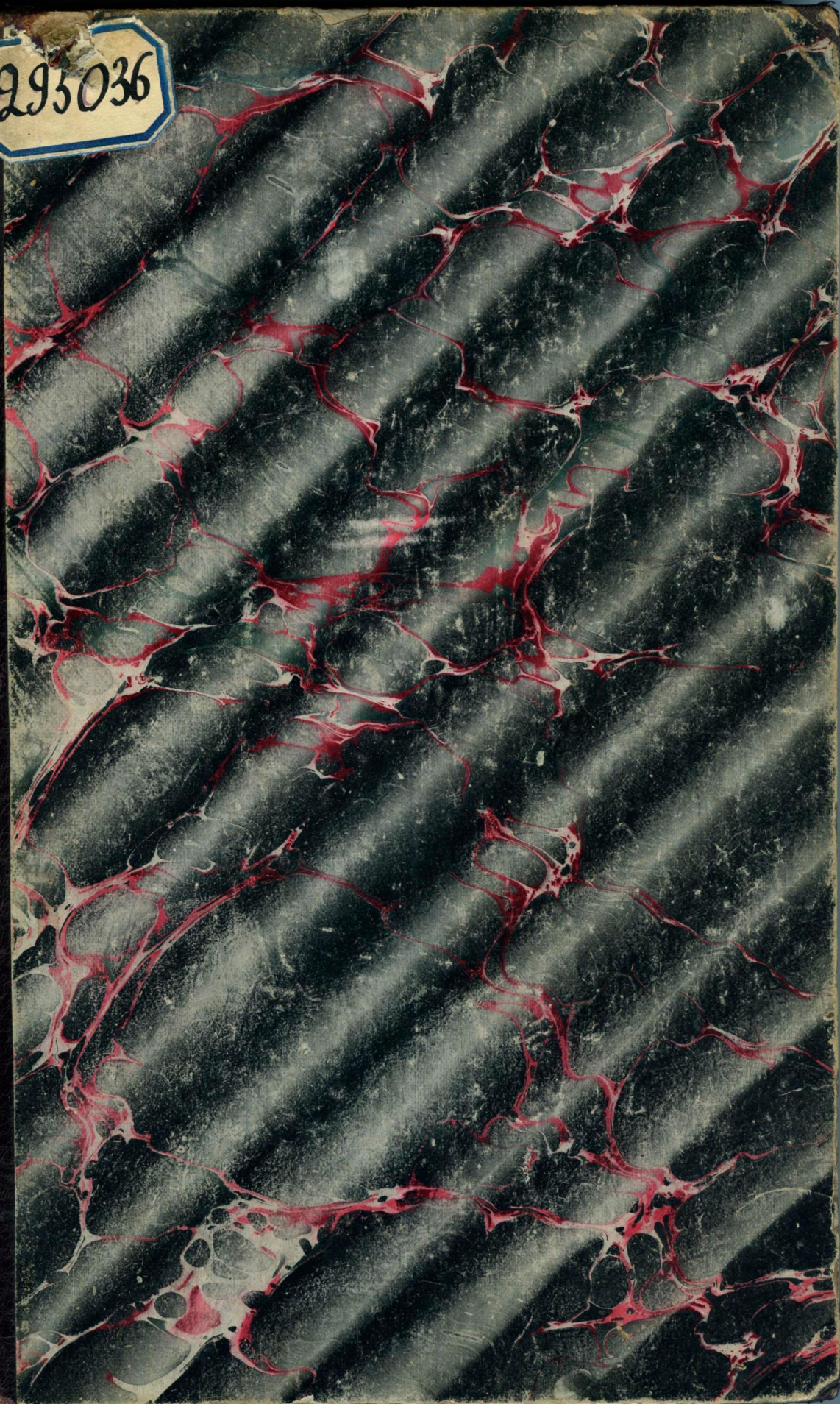
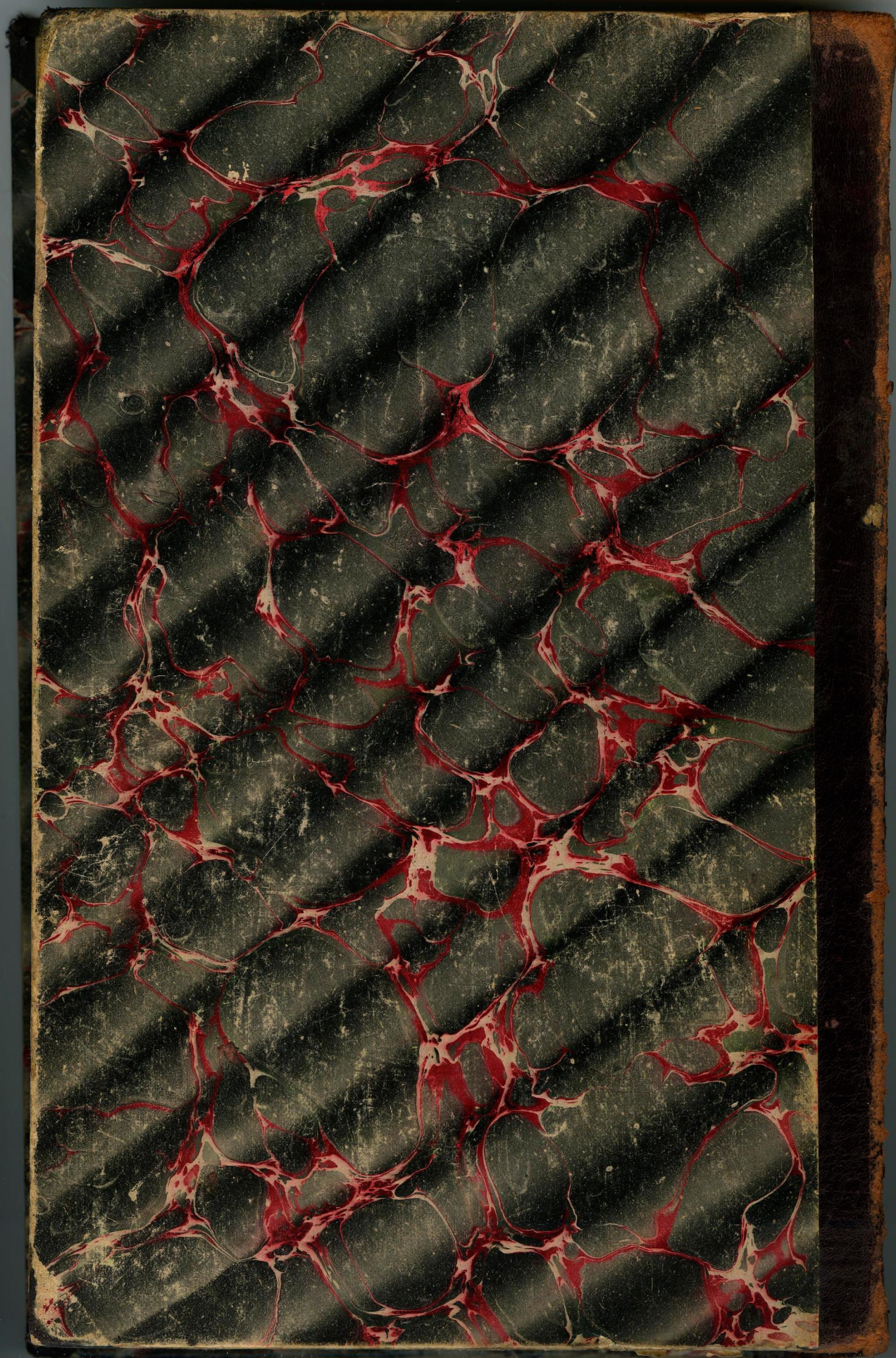

295036

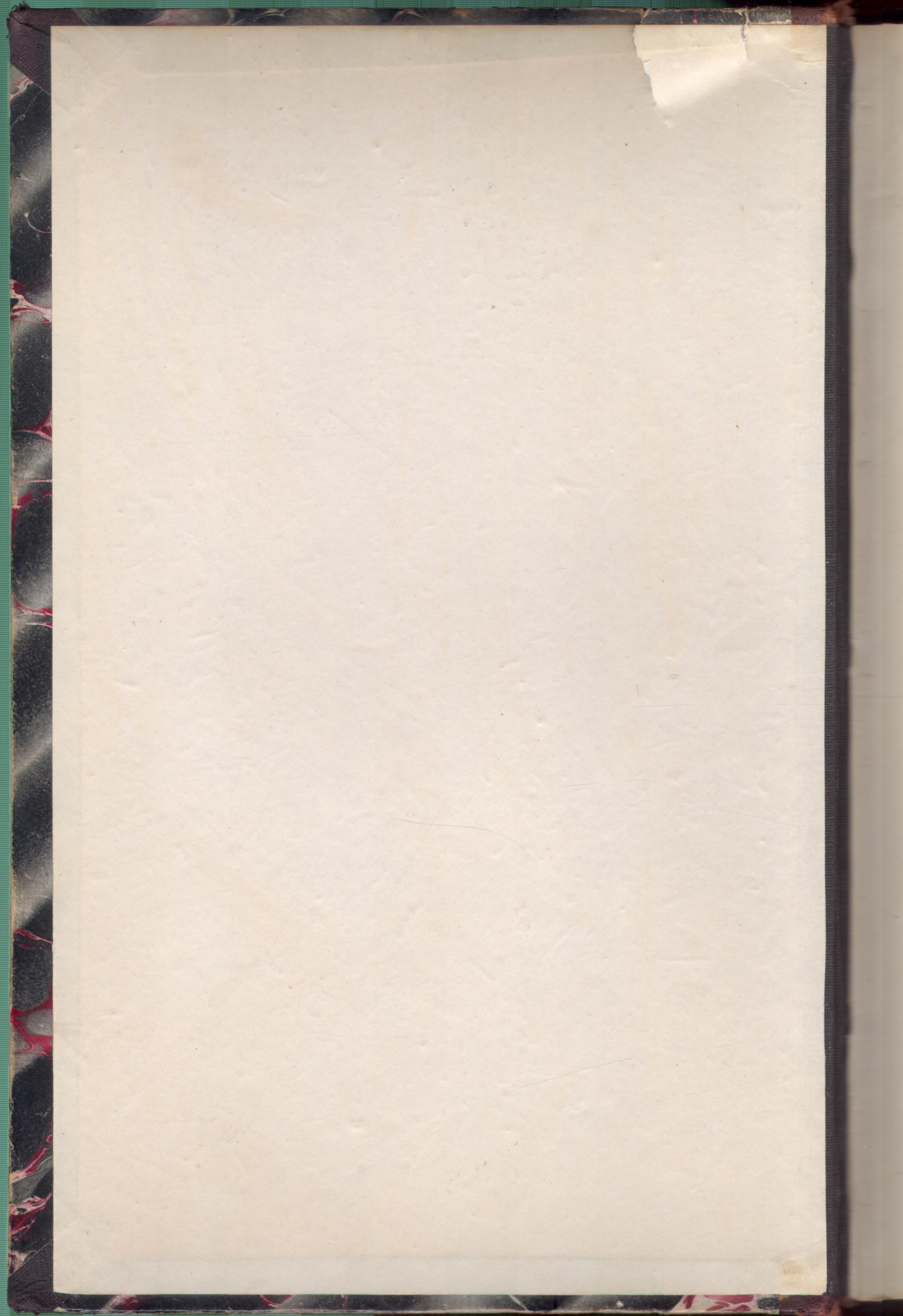

1211

295036

О НАЧАЛЕ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
ЗАНЯТИЙ
ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ

ПРОБЕ
ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948 г.

1924
111
А. Деревницкій.

368 9/65

12.17
6497

О НАЧАЛѢ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЗАНЯТІЙ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

I. Историко-литературныя занятія въ Греціи въ до-александрійскій періодъ.—II. Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи.—III. Каллимахъ и его „Таблицы“.—IV. Каллимаховцы.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28.
1891.

1130

59

132080

131085

131

1891

М. Рундштендауеру
Учм. Харк. Унив.

А. Деревницкій.

отъ автора

368 $\frac{1}{65}$

~~12. IV~~

6477

О НАЧАЛѢ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЗАНЯТІЙ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

I. Историко-литературныя занятія въ Греціи въ до-александрійскій періодъ.—II. Музей и бібліотека Лагидовъ въ Александріи.—III. Каллимахъ и его „Таблицы“.—IV. Каллимаховцы.

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948 г.

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ЦЕНТРАЛЬНА БІБЛІОТЕКА
ХАРКІВ
295086

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28.

1891.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Факультета Импера-
торскаго Харьковскаго Университета, 26 Октября 1891 года.
За Ректора Университета *А. Лебедевъ.*

Предлагаемое нынѣ вниманію русской ученой публики сочиненіе имѣетъ главнымъ образомъ въ виду лишь одну часть трудовъ, возникшихъ на почвѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи, — именно, знаменитыя «Таблицы» (πίνακες) Каллимаха и отчасти пинакографическія работы его ближайшихъ послѣдователей. Тѣмъ не менѣе, чтобы придать этой небольшой страничкѣ изъ исторіи древне-греческой культуры интересъ вполне законченнаго цѣлаго, я почелъ необходимымъ связать разсмотрѣніе означеннаго предмета съ исторіею александрійскаго музея и птолемеевой библіотеки, а равно предпослать всему изслѣдованію краткій очеркъ историко-литературныхъ студій въ до-александрійскій періодъ. Такимъ образомъ книга естественно расчленилась на четыре отдѣльныхъ этюда, тѣсно примыкающихъ одинъ къ другому по содержанію и составляющихъ часть задуманнаго мною «Введенія въ исторію греческой литературы».

Обработка подобной темы сопряжена съ немалыми трудностями виѣшняго свойства. Съ тѣхъ поръ, какъ вышли въ свѣтъ посвященныя тому же вопросу брошюры Көрке и Урренкамр'а, протекло почти полвѣка, и матеріалъ, подлежащій обзрѣнію, успѣлъ разростись до необъятныхъ размѣровъ. Не могу поэтому поручиться, что по части литературныхъ указаній книга моя не представляетъ пробѣловъ; тѣмъ не менѣе, какъ читатель въ состояніи и самъ

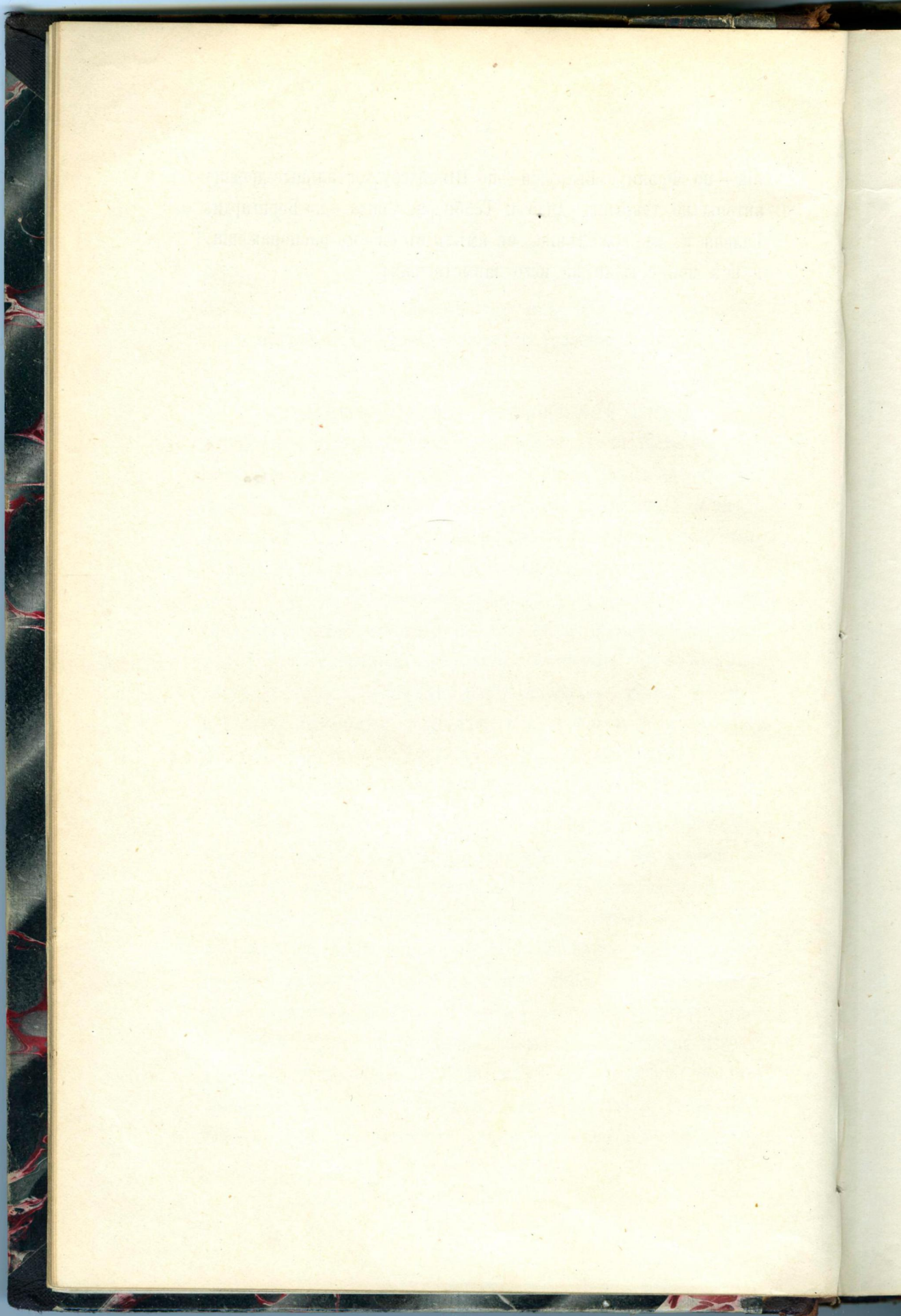
легко убѣдиться, мнѣ удалось по крайней мѣрѣ собрать по этой части все мало-мальски существенное и важное, и за любезное содѣйствіе, оказанное мнѣ при этомъ, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь свою благодарность проф. П. В. Никитину, облегчившему мнѣ пользованіе книгами изъ библіотеки Спб. Императорской Академіи Наукъ, и проф. И. В. Помяловскому.

Что касается выводовъ, къ которымъ я пришелъ послѣ долгаго и внимательнаго изученія предмета, то, быть можетъ, читателю покажутся нѣкоторые изъ нихъ проблематичными, иные—преждевременными. Возраженія такого рода я предвижу, но въ свою защиту сошлюсь на скудость положительныхъ свидѣтельствъ, заключающихся въ нашихъ источникахъ, и на вынужденность изслѣдователя прибѣгать подчасъ вслѣдствіе такой скудости къ дивинаціи. Гдѣ нѣтъ возможности при наличныхъ данныхъ установить несомнѣнно вѣрное, тамъ я поневолѣ довольствовался тѣмъ, что мнѣ казалось наиболѣе вѣроятнымъ, утѣшая себя словами Полибія: *ἐννοίαν μὲν λαβεῖν ἀπὸ μέρους τῶν ὀλῶν δυνατόν, ἐπιστήμην δὲ καὶ γνώμην ἀτρέχῃ ἔχειν ἀδύνατον* (I, 4).

Чтобы не вредить цѣльности и связности изложенія, большую часть критическихъ замѣчаній и дополненій по частнымъ вопросамъ, стоящимъ въ связи съ моею темою, я помѣстилъ въ выносахъ и экскурсахъ. Этимъ объясняется значительное количество мелкаго шрифта, вошедшее въ составъ книги. При этомъ древніе авторы цитуются мною по слѣдующимъ изданіямъ: Аѳеней по тексту Кайбеля (этого автора я имѣлъ подъ рукою также и въ изданіи Швейггейзера), Аристотель («Политика») — по Беккеру, Каллимахъ — по Шнейдеру, Діонисій галикарнаскій и Діонъ Кассій — по Рейске, трагики и Аристофанъ — по Диндорфу, Пли-

ній—по Францу, Витрувій—по Шнейдеру, остальные древніе авторы по текстамъ Дидо и Тейбнера, Свида—по Бернгарди. Галена я, къ сожалѣнію, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи, и всѣ мои ссылки на него заимствованы.

А. Деревницкій.

Содержаніе.

Глава I. Историко-литературныя занятія въ Греціи въ до-александрійскій періодъ (стр. 1—24).

Ономакритова рецензія гомеровскаго текста (1—7). Древнѣйшіе „гомерики“ (7—9). Развитіе книжной торговли въ Греціи и появленіе частныхъ библиотекъ (9—12). Первые историки греческой поэзіи: Главкъ (12), Дамастъ, Критій (13). Праксидамантъ (14). Геортологическія изслѣдованія и ихъ значеніе для исторіи греч. литературы (15—19). Трактаты „Объ открытіяхъ“ (20). Аристотель (21); историко-литературныя занятія въ его школахъ (22 сл.).

Эпикюръ I. Роль Писистрата въ исторіи гомеровской критики (стр. 24—40).

Глава II. Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи (стр. 41—104).

Отношеніе александрійской библіотеки къ музею (41—44). Время возникновенія обоихъ учреждений и ихъ основатель (44—49). Участіе Деметрія фалерскаго въ этомъ дѣлѣ (49—52). Внутренняя организація библіотеки (52—55) и музея (56—58). Александрійскій музей созданъ по типу музея перипатетиковъ (58—68). Зданія александрійскаго музея (68—71); его матеріальныя средства (71); его президентъ (72—77) и члены (77—79). Занятія членовъ музея (79—84). Вспомогательныя учрежденія, съ нимъ связанныя (84). Число александрійскихъ книгохранилищъ (85). Большая библіотека въ Врухії (85—87) и число собранныхъ въ ней рукописей (88); свидѣтельство Тзетза объ этомъ предметѣ и различныя его толкованія (89—93); критика теоріи Бирта (94—99); объясненіе терминовъ „βιβλοι ἀμυγῆς“ и „βιβλοι σὺμμικτοι“ (99—103). Конечная судьба птолемеевыхъ учреждений (103 сл.).

Глава III. Каллимахъ и его „Таблицы“ (πίνακες) (стр. 105—198).

Хронологическія опредѣленія (105—123). Первые александрійскіе библіотекари (124—125). Историко-литературное значеніе ихъ трудовъ по устроению библіотеки Птолемеевъ (125 сл.). Порча рукописей при перепискѣ (126—138); литературный подлогъ и плагиатъ (139—152). Каллимаховы „Таблицы“ (πίνακες) (153 сл.); ихъ заглавіе (155), ихъ общій характеръ (156—163), ихъ планъ (163—189). Недостатки каллимаховой работы (189—192). Авторитетъ „Таблицъ“ въ древности (192 сл.); ихъ судьба (193). Эпиграмматическія стихотворенія Каллимаха и ихъ отношеніе къ „Таблицамъ“ (194—195). „Μουσείον“ (195—198).

VIII

Екскурсъ 2. Нѣсколько словъ о стихометріи (стр. 198—201).

Глава IV. Каллимаховцы (стр. 202—222).

Эратосѣевъ (202—205). Аристофанъ византійскій (205—209). Гермиппъ смирнскій (210—218). Прочіе каллимаховцы (218 сл.). Позднѣйшіе пинакографы (219—221). Общее значеніе трудовъ Каллимаха и его послѣдователей (221 сл.).

Прибавленія (стр. 223—226).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историко-литературныя занятія въ Греціи въ до-александрійскій періодъ.

Извѣстно, съ какою любовью относились древніе греки къ родной старинѣ,—къ тому, что было создано вѣковыми усилями націи въ области религіи, права, законодательства, государственныхъ учрежденій, домашняго быта, художественнаго творчества и т. п. Извѣстно, какъ подозрительно смотрѣли они на всякія новшества, какъ ревниво оберегали отъ произвольныхъ измѣненій все, что было отмѣчено печатью древности и освящено ея авторитетомъ. Консервативный духъ народа ярко отразился не только въ цѣломъ рядѣ политическихъ установленій, но и во всемъ складѣ частной и общественной жизни грековъ ¹⁾. Самый языкъ ихъ сохранилъ въ своей фразеологіи указаніе на эту черту народнаго характера. Такія выраженія, какъ напримѣръ νεώτερόν τι ποιεῖν (δρᾶν), νεώτερα πράγματα πράσσειν, νεωτέρων ἔργων ἐπιθυμητής, νεοπραγεῖν, καινὰ πράγματα и проч., всегда

¹⁾ Можно сослаться на такія установленія, какъ напр. ареопагъ,—по Плутарху (Sol. c. 19) „ἐπίσκοπος πάντων καὶ φύλαξ τῶν νόμων“,—институтъ номофилаковъ (νομοφύλακες), существовавшій во многихъ политіяхъ (въ Спартѣ, Аѣннахъ, Калхедонѣ, Керкирѣ и проч.), γραφή παρανόμων и т. п. Конечно, въ области культа новшества, каковы бы они ни были, пугали воображеніе грека еще сильнѣе, нежели въ политикѣ. Человѣкъ, исполнявшій обряды культа, непризнаннаго еклесіею или уполномоченными ею помооетами, навлекалъ на себя формальное обвиненіе въ безбожіи (γραφὴ ἀσεβείας).

скрывали въ себѣ предосудительный съ точки зрѣнія грека смыслъ и въ совершенномъ соотвѣтствіи съ латинскимъ *novae res* (срв. *novis rebus studere*, *novas res moliri* и т. п.) въ обычномъ своемъ употребленіи означали нѣчто насильственное, нѣчто противоположное естественному и свободному развитію искони выработанныхъ формъ народной жизни и общественныхъ отношеній.

Въ виду этого не можетъ возбуждать никакого удивленія то обстоятельство, что уже въ довольно раннюю пору въ Греціи явился серьезный интересъ къ изученію прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ родились заботы о возстановленіи памятниковъ минувшаго. Уже со временъ Писистрата и его сыновей начинается здѣсь кропотливое собраніе историко-литературнаго матеріала, идущее затѣмъ рука объ руку съ изслѣдованіями въ области религіозныхъ преданій, съ розысканіями генеалогическими и этнографическими, съ изученіемъ разнаго рода вопросовъ археологій и проч. Возникають бібліотеки, выступаютъ на поприщѣ литературной дѣятельности со своими записками неутомимые путешественники, собирающіе повсюду различныя мѣстные сказанія и мало-извѣстныя версіи мифовъ, узнающіе отъ жрецовъ, мистагоговъ и эксегетовъ рѣдкія храмовыя легенды и добывающіе свѣдѣнія о монументальныхъ созданіяхъ древняго искусства. Такимъ образомъ накаплиются факты, обезпечивающіе для будущихъ поколѣній возможность чисто научныхъ изслѣдованій въ области исторіи греческой культуры.

Собственно историко-литературныя занятія въ Греціи начинаются съ заботъ о приведеніи въ наличность древнѣйшихъ и популярнѣйшихъ произведеній поэтическаго творчества и о сохраненіи ихъ отъ гибели, порчи и всяческихъ искаженій, столь возможныхъ въ тѣ времена, когда средства закрѣпленія и репродукціи поэтическихъ текстовъ вообще были крайне ненадежны и несовершенны ²⁾. По свидѣтель-

²⁾ Краткія свѣдѣнія объ историко-литературныхъ занятіяхъ въ древней Греціи можно найти почти въ каждомъ общемъ сочиненіи по исторіи

ству Иоанна Тзетза ³⁾, опирающемуся на весьма древнее и стойкое предание ⁴⁾, коего достоверность долгое время не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію ⁵⁾, при Писистратѣ, — какъ слѣдуетъ думать, въ періодъ послѣдней его тиранніи (ол. 59,4—63,2), — организована была комиссія изъ четырехъ человекъ ⁶⁾ съ извѣстнымъ Ономакритомъ во главѣ, на которую возложено было важное порученіе тщательно пересмотрѣть, исправить на основаніи болѣе полныхъ версій и привести

древне-греческой литературы. См. особенно Bergk Griech. Literaturgesch. I, стр. 257 слл. Изъ отдѣльныхъ монографій по этому предмету мнѣ извѣстны только двѣ: Коерке *Quid et qua ratione iam Graeci ad litterarum historiam condendam elaboraverint* (Berol. 1845); Uppenkamp *De origine conscribendae historiae litterarum apud Graecos* (Monasterii. 1847).

³⁾ Ioannis Tzetzae scholiorum in Aristophanem prolegomena, edita et enarrata ab H. Keilio въ перепечаткѣ изъ Rhein. Mus. (N. F. VI стр. 108 слл., 243 слл.) у Ричли (Fr. Ritschelii opuscula philologica, vol. I, fasc. I, p. 197 sqq). Тамъ же см. полные тексты найденныхъ Озанномъ и Крамеромъ фрагментовъ, въ которыхъ повторяется относящееся къ нашему предмету показаніе Тзетза.

⁴⁾ Каковъ бы ни былъ непосредственный источникъ той части „Прологоменъ“ Тзетза, въ которой именно находится указаніе на личный составъ писистратовой комиссіи, преданіе объ участіи Писистрата и его пособниковъ (Πισιστράτου ἐταῖροι, Paus. VII, 26, 6) въ составленіи древней вульгаты гомеровскихъ пѣсень пользовалось уже при Цицеронѣ широкою извѣстностью (de or. IV, 34: [Pisistratus] primus Homeri libros confusos antea sic disposuisse dicitur ut nunc habemus). Но цицероново сообщеніе объ этомъ участіи есть лишь дошедшій до насъ болѣе поздній отголосокъ значительно древнѣйшихъ сказаній. См. въ концѣ главы экскурсъ I.

⁵⁾ Мнѣніе, лишающее рассказъ о Писистратѣ и его комиссіи всякой фактической почвы, а, стало быть, и всякаго научнаго значенія, было впервые опредѣленно высказано Лерсомъ и лишь въ недавнее время приобрѣло многихъ сторонниковъ. См. экскурсъ I.

⁶⁾ Во всѣхъ текстахъ, сохранившихъ намъ извѣстіе о составѣ писистратовой комиссіи, число членовъ ея показано одинаково — четыре. Правда, имя четвертаго члена (Konkylos или Epikonkylos codd., Euclius Cyprius — Bernhardt, Herodicus [?] — Bergk, Simonides Ceus — Düntzer, Cercops Milesius — Ritschl, Cratinus — Hase) безнадежно искажено, и въ настоящее время оставлены даже попытки угадать это таинственное имя; тѣмъ не менѣе мы не видимъ достаточнаго основанія считать вмѣстѣ съ Бергкомъ (Gr. Lg. I, стр. 504 прим.) написаніе кодексовъ τεσσαρσι ошибочною замѣною первоначальнаго τρισί. Бергкъ оставляетъ необъясненнымъ, какъ и почему произошла такая замѣна. Онъ ссылается только на какое то особенное значеніе числа три въ предпріятіяхъ, подобныхъ предпріятію Писистрата: „gerade bei solchen ausserordentlichen Aufträgen ist die Dreizahl üblich“, говорить онъ (стр. 503). Но въ такомъ

въ порядокъ ходячій текстъ гомеровскихъ поэмъ ⁷⁾. Повидимому, тогда же и въ связи съ этимъ начать былъ пересмотръ и гесиодической литературы ⁸⁾, а равно и нѣкото-

случаѣ было бы естественнѣе ожидать, что скорѣе *τέσσαρις*, буде оно подлинно, могло подвергнуться замѣнѣ болѣе обычнымъ *τρίσιν*, нежели наоборотъ. Мы находимъ также излишнюю поправку Рота (Rhein. Mus. VII, стр. 138 сл.), который слова *καὶ καὶ ἐπὶ κορυλλῶ* (anonym. Paris. *περὶ κορυλλίας*), *ἐπὶ κορυλλῶς*, *ἐπὶ Κορυλλῶν* (Tzetz. Prolegg.) принимаетъ, такъ сказать, за гieroглицфъ, скрывающій въ себѣ цѣлое предложеніе вродѣ слѣдующаго: *συντεθείκασιν ἐπὶ Πεισιστράτου τὸν Ὀμήρου ἐπικὸν κύκλον Ὀνομακρίτης κτέ.* Контекстъ, совершенно полный и ясный, не даетъ намъ въ сущности права на такое преобразование рукописнаго преданія.

⁷⁾ Задача, которую должны были ближайшимъ образомъ имѣть въ виду Ономакрить и его товарищи, состояла въ томъ, чтобы изготовить по возможности полный и исправный экземпляръ стихотвореній Гомера, разрозненныхъ и искаженныхъ въ силу самыхъ условий раисодической рецитациі. Въ этомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженія: *διορθοῦν, ἀθροίζειν, συλλέγειν, συντιθέναι, συντάσσειν*, *disponere, redigere* и т. п., коими формулируется сущность порученія, возложеннаго Писистратомъ на комиссію. Разумѣется, о всесторонней дипломатической критикѣ въ приимѣненіи къ этой первой рецензіи и вообще до Зенодота не можетъ быть и рѣчи (см. Suid. s. v. *Ζηνόδοτος*). Свидѣтельства, подобныя извѣстному сообщенію грамматика Диомеда (Villois. Anecd. gr. II p. 182; также прив. in extenso у Вольфа Prolegg. ad Hom. p. 89 n. 9 Calvary), представляютъ собою голое баснословіе и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

⁸⁾ Единственное категорическое указаніе на то, что вмѣстѣ съ гомерическими стихотвореніями разсмотрѣнію комиссіи подлежали также и стихотверенія гесиодическія, находится у Плутарха Thes. 20: πολλοὶ δὲ λόγοι καὶ περὶ τούτων ἔτι λέγονται καὶ περὶ τῆς Ἀριάδνης, οὐδὲν ὁμολογούμενον ἔχοντες. οἱ μὲν γὰρ ἀπάγησθαι φασὶν αὐτὴν ἀπολειψθεῖσαν ὑπὸ τοῦ Θησέως, οἱ δὲ εἰς Νάξον ὑπὸ ναυτῶν κομισθεῖσαν Ὀινάργῳ τῷ ἱερεῖ τοῦ Διονύσου συνοικεῖν, ἀπολειψθεῖναι δὲ τοῦ Θησέως ἐρωήντος ἑτέρας: „δεινὸς γὰρ μιν ἔπειρεν ἔρως Πανοπηίδος Αἴγλης“. τοῦτο γὰρ τὸ ἔπος ἐκ τῶν Ἡσιόδου Πεισιστράτου ἐξελεῖν φησὶν Ἡρέας ὁ Μεγαρεύς, ὥσπερ αὐτὸς πάλιν ἐμβάλεῖν εἰς τὴν Ὀμήρου νεκρίαν (λ 631) τὸ „Θησέα Πειριβοῶν τε, θεῶν ἀριδείκτα τέκνα“, χαρίζομενον Ἀθηναίοις. Ссылка на Гесиода по всей вѣроятности имѣетъ въ виду „Эгимію“, гдѣ между прочимъ шла рѣчь и о Тесеѣ, и объ Аріаднѣ, и объ Эглѣ (срв. Athen. XIII p. 557 a). А какъ „Эгимія“ въ древности приписывался не Гесиоду только, но инымъ и Керкону милетскому (Athen. XI p. 503 d; срв. Aristot. ap. Diog. II, 46), то К. О. Мюллеръ допустилъ, что окончательная редакція названнаго стихотворенія возникла при Писистратѣ и была дѣломъ Керкона, слышавшаго кромѣ того авторомъ двухъ орфическихъ поэмъ и принадлежавшаго къ школѣ пифагорейцевъ (Prolegg. z. Mythol. стр. 399; Lobeck Aglaoph. I p. 354). Фикъ тому же Керкону приписалъ и обработку гесиодовыхъ „Трудовъ и дней“ и „Теогонію“ (Bezzenberger's Beiträge z. Kunde indo-germ. Spr. 1887, 1—2; срв. впрочемъ уже Ritschl Opp. philol. I p. 46).

рыхъ другихъ произведеній древнѣйшей греческой поэзіи ⁹⁾. Предпріятіе это, быть можетъ, ближайшимъ образомъ вызванное нуждами агонистической практики ¹⁰⁾ и послужившее лишь развитіемъ тѣхъ мѣръ, которыя уже Солонъ, какъ утверждаютъ, счелъ безусловно необходимыми для сохраненія продуктовъ народнаго пѣснотворчества отъ конечнаго уничтоженія ¹¹⁾, не преминуло, разумѣется, вызвать подражаніе и въ другихъ греческихъ политіяхъ. Возникаетъ рядъ помѣстныхъ рецензій гомеровскаго текста, независимыхъ отъ авторизованнаго аѳинскою комиссіею списка, и эти рецензій полагаются въ основаніе извѣстныхъ «городскихъ» изданій

⁹⁾ Если извѣстіе о писистратовой комиссіи поставить въ связь съ свидѣтельствами Аѳеней (I р. 3), Геллія (6, 17) и Тертулліана (Apologet. 18), которые сообщаютъ, что при Писистратѣ въ Аѳинахъ была организована первая библіотека, то нужно предположить, естественно, что кромѣ стихотвореній Гомера и Гесіода члены комиссіи (быть можетъ, въ нѣсколько измѣненномъ составѣ) разсматривали и другія литературныя произведенія, напр. поэмы кикликовъ. Ономакрить извѣстенъ намъ между прочимъ по Геродоту (VII, 6) и какъ собиратель древнихъ хрестоматическихъ произведеній. По словамъ Аристотеля (ар. Philop. de an. Fol. 5), ему принадлежало также стихотворное переложеніе орфической теогоніи.

¹⁰⁾ Большинство изслѣдователей принимаетъ, что Писистратъ, впервые давшій празднику великихъ панаѳеней его организацію (Schol. Aristid. р. 323 Dind. τὰ δὲ μετέωλα [Παναθηναῖα] Πισιστρατὸς ἐποίησε), ввелъ на этомъ праздникѣ и мусическій агонъ, вполнѣдствіи точнѣе урегулированный Гиппархомъ (см. Welcker Ep. Cycl. стр. 351 сл., Mommsen Neortologie, стр. 138, Bergk Gr. Litg. I, стр. 500 и проч.). Я примыкаю къ этому большинству и допускаю, что извѣстное распоряженіе Гиппарха относительно порядка раисодической рецитаціи (Pseudo-Plat. Hipparch. 228, также Aelian. V. H. VIII, 2) могло имѣть смыслъ лишь тогда, когда ему предшествовала ревизія Ономакрита. Слова „ἐξ ὑπολήψεως ἐφεξῆς“ предполагаютъ преемственность, послѣдовательность рецитаціи, какъ нѣчто объективно возможное.

¹¹⁾ Diog. Laert I, 57: τὰ Ὀμήρου ἐξ ὑποβολῆς γέγραφε ῥαψωδεῖσθαι, οἷον ὅπου ὁ πρῶτος ἔλκειεν, ἐκείθεν ἄρχεσθαι τὸν ἐχόμενον. Можно полагать, что это постановленіе Солона,—если только подлинно таковое было имъ сдѣлано,—показало на дѣлѣ всю необходимость точной провѣрки эпическихъ текстовъ и такимъ образомъ повело къ предпріятію Писистрата. Оно до тѣхъ поръ должно было оставаться мертвою буквою, пока не возникла вульгата. Оттого, когда работы писистратовой комиссіи были закончены, Гиппарху понадобилось въ примѣненіи къ панаѳенейскому агону обновить пришедшій въ забвеніе солонѣвъ законъ и уже съ тѣхъ поръ навсегда установить между писаннымъ текстомъ эпическихъ стихотвореній и ихъ публичнымъ воспроизведеніемъ на празднествахъ тѣсную связь.

(αἱ κατὰ πόλεις, αἱ ἀπὸ, διὰ, ἐκ τῶν πόλεων, αἱ πολιτικαί) ¹²⁾. По примѣру Писистрата Поликрать учреждаетъ библіотеку въ Самосѣ ¹³⁾. Въ средѣ частныхъ лицъ также начинается обнаруживаться влеченіе къ пріобрѣтенію рукописей, къ составленію частныхъ книгохранилищъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ проявляется и интересъ къ историко-литературнымъ изслѣдованіямъ, коихъ главнымъ предметомъ однако долгое время остаются по прежнему поэмы Гомера,—поэмы, въ которыхъ

¹²⁾ Kirchhoff Die homerische Odyssee ² (Berl. 1879) къ XI, v. 602. Срв. Ritschl Opp. I, 50 sqq.

¹³⁾ О библіотекѣ Писистрата говорятъ Аэеней, Геллій и Тертулліанъ (срв. стр. 5 прим. 9). Первоначально это было, разумѣется, скудное собраніе самовольнѣйшихъ произведеній греческой поэзіи, но потомъ собраніе это ревностно пополнялось и могло принять современемъ значительные размѣры. По всей вѣроятности оно хранилось въ одномъ изъ аѳинскихъ святилищъ, подобно тому какъ смирнская библіотека, упоминаемая Страбономъ (XIV р. 646), повидимому, стояла подъ охраною гомерова святилища (срв. Wolff Prolegg. p. 88 n. 7 Calv.). Возможно, что въ Аѳинахъ это былъ храмъ Аѳины Полиады (т. наз. Эрехеонъ), куда напр. во время удаленія изъ города Гиппій сиряталъ собранія Ономакритомъ прорицанія Мусея (Herod. V, 72, 90). Авль Геллій передаетъ, что послѣ вторженія персовъ въ Аѳины библіотека писистратова была отправлена Ксерксомъ въ Азію и лишь Селевкъ Никаноръ снова возвратилъ ее аѳинянамъ (l. s. l.). Разсказъ этотъ, по справедливому замѣчанію W. Schmitz'a (Schriftsteller und Buchhändler in Athen. Heidelberg. 1876. Стр. 27), сильно напоминаетъ подобное же сообщеніе Арріана о группѣ Гармодія и Аристогитона, также будто бы отправленной Ксерксомъ въ Персію и возвращенной затѣмъ Александромъ Великимъ. Можно допустить, что одно изъ этихъ преданій создано по образцу другого, и я не берусь рѣшать, которое именно заключаетъ въ себѣ зерно исторической истины. Мнѣ кажется только, что нѣтъ достаточнаго основанія совершенно отвергать самое существованіе библіотеки Писистрата и вмѣстѣ съ Биртомъ (Das antike Buchwesen, стр. 434) и Флахомъ (Pisistratos und seine litterarische Thätigkeit, стр. 26) считать ее плодомъ „исторической конструкціи“. Что же касается Поликрата, то кромѣ бѣлаго указанія Аэеней (I, р. 3 а) о библіотекѣ его не сохранилось никакихъ другихъ свидѣтельствъ. Мы знаемъ, что, подобно Гиппарху, онъ былъ меценатомъ своего времени и что при дворѣ его собирались со всѣхъ мѣстъ Греціи выдающіеся поэты, музыканты, художники, техники и врачи, наперерывъ старавшіеся угодить щедрому тиранну своими талантами и свѣдѣніями. Немудрено, если въ такомъ центрѣ художественной и умственной жизни, какимъ сталъ въ его правленіе Самосъ, существовало и значительное собраніе рукописей, память о которомъ случайно сохранилась до временъ Аэеней. Какъ личная собственность Поликрата, это собраніе легко могло погибнуть во время смутъ, сопровождавшихъ его паденіе.

согласное мнѣніе всей Греціи видѣло альфу и омегу чело-
вѣческой мудрости.

Во главѣ цѣлой вереницы древнѣйшихъ «гомеровъ»
(οἱ ἀρχαῖοι Ὀμηροῖ) стоялъ Θεαгенъ, уроженецъ Регіума,
бывшій, по свидѣтельству Татіана, современникомъ Камбиса ¹⁴⁾
и оставившій потомству первый ученый трактатъ о
Гомерѣ ¹⁵⁾. Каково было содержаніе этого трактата, въ
точности неизвѣстно. Мы знаемъ, правда, что Θεαгена зани-
мали уже между прочимъ и вопросы о происхожденіи поэта
и о времени его дѣятельности, но, какъ кажется, центромъ
исслѣдованій его вообще служили проблемы не столько исто-
рическія, сколько грамматическія и экзегетическія, вслѣд-
ствіе чего въ источникахъ нашихъ онъ и стяжалъ себѣ
славу перваго грамматика ¹⁶⁾. По всей вѣроятности онъ
былъ сторонникомъ того же аллегорическаго направленія,
къ которому впослѣдствіи принадлежали Анаксагоръ, Стесим-
бротъ изъ Фасоса, Метродоръ изъ Лампсака, Іонъ и др. ¹⁷⁾,
и, если имѣть въ виду презрительный отзывъ Аристотеля о
всѣхъ вообще раннихъ работахъ, посвященныхъ великому
творцу Илиады и Одиссеи ¹⁸⁾, врядъ ли шелъ дальше без-
плоднаго разбора мелочныхъ подробностей и кажущихся
противорѣчій въ текстѣ гомерическихъ стихотвореній. Въ
александрійскія времена сочиненіе его, повидимому, еще не
было утрачено ¹⁹⁾, равно какъ, вѣроятно, и трактатъ
Автодора изъ Кумъ, близко примыкавшаго по роду своихъ

¹⁴⁾ Tatian. adv. Graecos c. 31: περὶ γὰρ τῆς ποιήσεως τοῦ Ὀμήρου, γένους τε αὐτοῦ καὶ χρόνου καὶ ὃν ἤκμασεν, προηρεύνησαν οἱ πρεσβύτατοι Θεαγένης τε ὁ Ρηγίος κατὰ Καμβύσην γεγονώς, Στησίμβροτος τε ὁ Θάσιος καὶ Ἀντίμαχος ὁ Κολοφώνιος. Камбисъ царствовалъ 529—522 г. до Р. X.

¹⁵⁾ Schol. ad Il. V 67 (p. 533 A 30 Bekk.): οὗτος μὲν οὖν τρόπος ἀπολογίας ἀρχαῖος ὡς πάντοτε καὶ ἀπὸ Θεαγένης τοῦ Ρηγίνου, ὃς πρῶτος ἔγραψε περὶ Ὀμήρου.

¹⁶⁾ Bekk. Ann. II p. 729; Cramer Ann. Ox. IV p. 308 и проч. (Sengebusch Hom. dissert. prior., p. 210 sqq; Nitzsch de hist. Hom. p. 131).

¹⁷⁾ См. Lobeck Aglaoph. I, p. 155 sq. Uppenkamp op. I. p. 12 sq.

¹⁸⁾ Aristot. Metaph. N, 6: ὅμοιοι δὲ καὶ οὗτοι τοῖς ἀρχαίοις Ὀμηροῖς, οἱ μικρὰς ὁμοιότητος ὁρᾶσι, μεγάλας δὲ παρορῶσιν.

¹⁹⁾ Sengebusch l. I. p. 213.

изслѣдованій къ Ѡеагену и занимавшагося кромѣ Гомера также и Гесіодомъ ²⁰⁾. Другіе гомерики, число которыхъ не переставало возрастать, частью подвизались на поприщѣ эстетической критики, частью изощряли свое остроуміе въ постановкѣ и рѣшеніи разнаго рода трудныхъ логическихъ вопросовъ на гомеровскія темы (такъ назыв. ἐνστατικοὶ и λυτικοί), частью разслѣдовали текстъ поэмъ съ точки зрѣнія нравственно-религіозной (Тераклитъ, Ксенофанъ, Пифагоръ и др.), частью наконецъ изучали діалектическія особенности стихотвореній, составляли глоссаріи къ нимъ, снабжали ихъ реальными комментаріями и проч. Подобныя занятія, естественно, должны были породить цѣлую литературу, и если много было въ этой литературѣ вздорнаго, смѣшнаго, нелѣпаго, дѣтски-незрѣлаго, то во всякомъ случаѣ скоро она могла уже выставить и немало серьезныхъ и почтенныхъ трудовъ лексикологическаго, грамматическаго и историческаго содержанія. Таковы напр. безъ сомнѣнія были посвященные Гомеру трактаты философа Демокрита ²¹⁾ и его ученика Несса хіосскаго; таковы были далѣе изслѣдованія нѣкоторыхъ логографовъ (Гелланика, Ферекида, Эвгэона и др.), критическія работы Антимаха колофонскаго, изготовившаго между прочимъ отдѣльное изданіе гомеровыхъ поэмъ (одно изъ такъ называемыхъ „*κατ' ἀνδρά*“) ²²⁾, и проч.

²⁰⁾ Cramer Ann. Ox. IV, 310.

²¹⁾ Демокритъ принадлежалъ къ числу самыхъ восторженныхъ почитателей Гомера. Срв. Dio Chrysostom. Or. 53 init.: ὁ μὲν Δημόκριτος περὶ Ὁμήρου φησὶν οὕτως: „Ὁμηρος φύσεως λαχὼν θεαζόμενος ἐπέων κόσμον ἐτεκτήνατο παντοίων“. ὡς οὐκ ἐνὸν ἄνευ θείας καὶ θαυμανίας φύσεως οὕτω καλὰ καὶ σοφὰ ἔπη ἐργάσασθαι. Кромѣ сочиненія „περὶ Ὁμήρου ἢ ὁρθοπετίης καὶ γλωσσέων“ Демокриту приписывалось нѣсколько другихъ трактатовъ, какъ то: περὶ ποιήσεως, περὶ καλλοσύνης ἐπέων, περὶ ῥημάτων, ὀνομαστικόν и проч., въ которыхъ онъ повидимому затрогивалъ семасіологическіе вопросы первостепенной важности. Mullach Fragm. Democr. p. 147 sqq. Трактаты эти долго не теряли своего значенія и удостоивались серьезнаго вниманія со стороны позднѣйшихъ греческихъ ученыхъ, начиная съ Аристотеля и кончая грамматиками александрійской эпохи. См. Sittl Gesch. d. gr. Litter. II, стр. 483.

²²⁾ Критическія изданія гомерова текста не переставали появляться на смѣну другъ друга. Очевидно, редакція писестратовой комиссіи не

Особенно оживляются историко-литературныя и неразрывно съ ними на первых порахъ связанныя грамматическія ²³⁾ занятія въ Греціи приблизительно съ половины V стол. до Р. Х., т. е. со временъ Перикла. Персидскія войны, какъ извѣстно, произвели въ греческой націи высокой подъемъ духа, весьма понятный послѣ только что пережитаго столь важнаго и рѣшительнаго историческаго момента, и подъ эгидою наступившаго мира живой ключъ художественной и научной дѣятельности забилъ полною струей. Книжная торговля приняла небывалые до того размѣры. Коммерческія суда, отправляясь къ самымъ отдаленнымъ Книж-порт предѣламъ греческихъ поселеній, вмѣстѣ съ посудой и другими предметами промышленнаго производства стали уже нагружаться и книгами, сдѣлавшимися повсюду предметомъ усиленнаго спроса ²⁴⁾. Въ большихъ политическихъ центрахъ греческаго міра страсть къ чтенію овладѣла обществомъ съ такою силою, что обратила даже на себя вниманіе комедіи, не замедлившей осмѣять крайности этого благороднаго увлеченія ²⁵⁾. Въ школахъ, домахъ и публичныхъ мѣстахъ

всѣхъ удовлетворяла. Есть напр. извѣстіе, что и Эврипидъ,—этотъ, безспорно, самый ученый изъ греческихъ поэтовъ классическаго періода,—также трудился надъ исправленіемъ текста гомеровскихъ стихотвореній (ή κατ' Εὐριπίδην). Въ его время испытывать свои силы на поприщѣ эмендаций любимѣйшаго греческаго эпика было даже своего рода модою. Срв. Plut. Alcib. 7. Вообще справедливо замѣчаніе Магаффи (Ист. лит., русск. пер. I, стр. 31), что „вся филологія, вся грамматическая и текстуральная критика возникли у грековъ изъ желанія очистить и понять сперва гомеровскіе тексты, а потомъ и тексты другихъ древнихъ поэтовъ“.

²³⁾ Терминъ „грамматика“ имѣлъ у древнихъ очень широкое значеніе и примѣненіе: Sext. Empir. adv. gramm. p. 619, 16 В: τῆς γραμματικῆς το μὲν ἐστὶν ἱστορικόν, τὸ δὲ τεχνικόν, τὸ δὲ ἰδικαίτερον.—ἱστορικὸν δὲ ὅπου περὶ προσώπων οἰοῦνται θεῶν τε καὶ ἀνθρωπίνων καὶ ἡρώϊκων διδάσκουσιν ἢ περὶ τόπων διηγοῦνται καθάπερ ὁρῶν ἢ ποταμῶν ἢ περὶ πλασμάτων καὶ μύθων παραδιδόναι ἢ εἰ τι τῆς αὐτῆς ιδέας ἐστίν.

²⁴⁾ Xenoph. Anab. VII, 5, 12 слл.: „ἐνθα (при Салмидессѣ) τῶν εἰς τὸν Πόντον πλεουσῶν νεῶν πολλὰὶ ἀκέλλουσι καὶ ἐκπίπτουσι· τέναγος γάρ ἐστιν ἐπὶ πάντοτε τῆς θαλάττης. ἐνταῦθα εὐρίσκοντο πολλὰὶ μὲν κλῖναι, πολλὰ δὲ κιβώτια, πολλὰ δὲ βίβλοι γεγραμμένα, καὶ ἄλλα πολλὰ, ὅσα ἐν ξυλίνοις τεύχεσι ναύκληροι ἄγουσιν“.

²⁵⁾ Срв. Aristoph. Ran. v. 1109 sqq: „εἰ δὲ τοῦτο καταρβεῖσθον, μή τις ἀμαθία προσῇ τοῖς θεωμένοις, ὥς τὰ λεπτὰ μὴ γινῶναι λεγόντων, μηδὲν ὀρθῶς εἰπεῖτε“.

литературныя темы начали составлять любимый предмет обсуждения и споровъ. Появились страстные книгособиратели, настоящие библіоманы, къ числу которыхъ принадлежалъ напр. упоминаемый Ксенофонтомъ ²⁶⁾ Эвндемъ. Въ библіотекѣ этого послѣдняго наряду съ произведеніями Гомера и другихъ поэтовъ имѣлись и спеціальныя сочиненія изъ области медицины, архитектуры, геометріи и астрономіи, приобрѣтенныя имъ съ большими затратами и усиліями ²⁷⁾. Не менѣе обширно было и собраніе книгъ, принадлежавшее знаменитому современнику Эвндема, трагику Эврипиду. Съ молодости серьезный и сосредоточенный, — Эврипидъ, какъ извѣстно, любилъ философскія занятія и не покидалъ ихъ впродолженіе всей своей жизни. Начитанность его была изумительна, и недаромъ Аристофанъ называетъ его драмы экстрактотомъ

τοῦτο. ὡς οὐκ ἔστι οὕτω τοῦτο ἔχει. ἐστρατευμένοι γὰρ εἰσι, βιβλίον τ' ἔχων ἕκαστος μηχανάται τὰ δεξιὰ· αἱ φύσεις τ' ἄλλως κρείττεται, οὐδὲ καὶ παρηκόνηται“.

²⁶⁾ Xenoph. Memor. IV, 2, 1, 8.

²⁷⁾ Сократъ говоритъ Эвндему (прив. м.): *νῦν τὴν "Νοῦν ἄγαμέ γέ σου, διότι οὐκ ἀργύριον καὶ χρυσίον προέβλου ἐκτελέσσαι μᾶλλον ἢ σοφίας· δῆλον γάρ, ὅτι νομίζεις ἀργύριον καὶ χρυσίον οὐδὲν βελτίους ποιεῖν τοὺς ἀνθρώπους, τὰς δὲ τῶν σοφῶν ἀνδρῶν γνώμας ἀρετῇ πλουτίζειν τοὺς ἐκτελεμένους*. Слова эти, какъ замѣтилъ уже Беккеръ (Charikles, bearb. v. Göll, II, стр. 167), повидимому, относятся къ затратамъ Эвндема. Насколько послѣдніе были значительны, о томъ мы отчасти можемъ судить. Книги всегда были въ цѣнѣ, особенно же автографы. По свидѣтельству Діогена лаэртскаго, Платонъ приобрѣлъ черезъ посредство Діона въ Сициліи три книги сочиненій пифагорейца Филолая за 100 минъ (Diog. III, 9; VIII, 15, 85. Срв. Gell. N. A. III, 17). Аристотель за экземпляръ ученыхъ трактатовъ Спевсиппа заплатилъ три таланта (Diog. L. IV, 1, 11; Gell. I. I.). Разумѣется, это рѣдкіе, единичные случаи; но приведенныя цифры все же весьма знаменательны. Иныя произведенія нужно было выписывать издалека, что конечно повышало ихъ цѣнность. Такъ напр. сочиненія Поликрата о Буспридѣ и о Сократѣ, согласно правдоподобному предположенію Бирта (op. I. p. 435 n. 1), было добыто Исократомъ путемъ спеціальной выписки. Книги Филолая, какъ мы сейчасъ видѣли, Платонъ досталъ также не непосредственно отъ книгопродавца. Книжныя лавки, правда, существовали уже тогда въ Афинахъ (срв. Pollux IX, 47; къ этому мѣсту см. Becker op. I. II, p. 162), но онѣ были, вѣроятно, снабжены лишь такими рукописями, на которыя предъявлялся болѣе или менѣе постоянный спросъ. На изготовленіе списковъ, не оказывавшихся въ наличности, книгопродавцы, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и перенесчиками, принимали особые заказы.

(*χυλός*), вывареннымъ изъ книгъ. Въ его библиотекѣ навѣрное были собраны самыя разнообразныя литературныя произведенія, начиная съ трактатовъ его наставника Анаксагора и кончая твореніями лучшихъ поэтовъ греческихъ, изученіе которыхъ, по собственному его признанію, составляло высочайшій интересъ его существованія ²⁸⁾). Извѣстный архонтъ 94,2 ол. Эвклидъ также слылъ библиофиломъ ²⁹⁾). Но нѣтъ даже надобности приводить здѣсь такія крупныя историческія имена: въ любой элементарной школѣ имѣлся весьма изрядный ассортиментъ манускриптовъ, среди которыхъ можно было встрѣтить и произведенія орфиковъ, и Хэрила, и Эпихарма, и трагедіи, и трактаты о кулинарномъ искусствѣ, не говоря уже о Гомерѣ и Гесіодѣ ³⁰⁾). Софисты читали публичныя лекціи о древнихъ поэтахъ и, несмотря на значительный гонораръ ³¹⁾, ихъ аудиторіи ломились отъ слушателей, а сочиненія ихъ, посвященныя отчасти вопросамъ

²⁸⁾ Erechth. fragm. 370: *μετὰ δ' ἡσυχίας πολὺν γῆραι συνοικίην. αἰεδοῦσι δὲ στεράνοισι κἄρα πολὺν στεφανώσας Θρηίκιον πέλταν πρὸς Ἀδάνας περικίοντι ἀγκρεμάσας θαλάμοις δέλτων ἔ' ἀναπτύσσουσι γῆρυν ἂν σοφοὶ κλέονται.* Въ „Лягушкахъ“ Аристофана Эврипидъ представленъ настоящимъ буквоедомъ, и о книгахъ его неразъ упоминается (срв. стт. 939 слл., 1407 слл.). Аэней въ прив. м. называетъ его библиотеку наряду съ библиотеками Писистрата, Поликрата, Эвклида и проч.

²⁹⁾ Athen. I. I. Тамъ же названъ, какъ извѣстный книгособиратель, нѣкій Никократъ кипрининъ. Быть можетъ, это тотъ самый грамматикъ, которому принадлежалъ упоминаемый въ гомеровыхъ схоліяхъ (II. V, 21) трактатъ „*περὶ τοῦ ἐν Ἑλικῶνι ἀγῶνος*“. Впрочемъ, Бергъ (Gr. Ltgsch. I, стр. 215, прим. 72) предлагаетъ читать *Νικοκρέων* (о немъ см. Diod. XIX, 59, 79), а Шмицъ (op. cit. p. 29, прим.)—*Νικοκλῆς* (сынъ и преемникъ Эвагора кипрскаго). Последнее довольно вѣроятно.—Историкъ Мемнонь также указываетъ намъ на одного библиофила,—именно на Клеарха, тирана понтійскаго, ученика Платона и Исократъ: *βιβλιοθήκην μέντοι κατασκευάσαι πρὸ τῶν ἄλλων, οὗς ἡ τυραννὶς ἀπέδειξεν ὀνομάζεσθαι* (Müller Fragm. H. Gr. III, p. 527). Срв. Bergk I. I. Вообще можно думать, что обладателей значительныхъ книжныхъ сокровищъ въ періодъ времени до Аристотеля совсѣмъ не было такъ мало, какъ полагаетъ Шмицъ (прив. соч.), и, если мы знаемъ изъ нихъ только немногихъ, то свидѣтельства наши, очевидно, называютъ лишь самыя крупныя имена.

³⁰⁾ Основаніемъ для подобнаго утвержденія служить довольно длинный фрагментъ комедіи Александа „*Λίνος*“ (ар. Athen. IV, p. 164).

³¹⁾ Напр. Горгій взималъ съ каждаго изъ своихъ учениковъ по 100 минъ.

грамматическимъ, отчасти теоріи поэзіи и прозы, находили въ публикѣ самый благосклонный пріемъ. Любознательные умы интересовались научными проблемами общаго характера столько же, сколько и самыми кротоливыми историческими и филологическими изысканіями, и мы знаемъ напр., что Протагоръ, авторъ философскаго трактата «о богахъ», занимался изученіемъ законовъ правильной рѣчи („περὶ ὀρθοεπίας“), а Горгій, главнымъ трудомъ котораго былъ спекулятивный трактатъ «о природѣ» („περὶ φύσεως ἡ τοῦ μὴ ὄντος“), охотно посвящалъ свои досуги антикварнымъ, генеалогическимъ и историко-литературнымъ изслѣдованіямъ.

Ко временамъ пелопоннесской войны слѣдуетъ отнести первую попытку общаго компендіума исторіи греческой литературы, принадлежащую перу нѣкоего Главка или Главкона ³²⁾, соотечественника Θεагена. Повидимому, это былъ обширный трудъ, заключавшій въ себѣ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ всѣхъ греческихъ поэтовъ и музыкальных композиторовъ, начиная съ Орфея, Мусея, Олимпа и другихъ полумифическихъ пѣвцовъ древности ³³⁾ и кончая Эмпедокломъ и Демокритомъ ³⁴⁾, т. е. ближайшими современниками самого автора. Въ источникахъ нашихъ трудъ этотъ приводится подъ различными заглавіями: „περὶ ποιητῶν“ ³⁵⁾ или „περὶ τῶν ἀρχαίων ποιητῶν καὶ μουσικῶν“ ³⁶⁾ или наконецъ „ἀναγραφὴ ὑπὲρ τῶν ἀρχαίων ποιητῶν“ ³⁷⁾. Судя по немногимъ отрывкамъ изъ него, сохраннымъ у другихъ авто-

³²⁾ Объ этихъ двухъ формахъ его имени см. Sengebusch *Hom. diss. prior*, p. 208.

³³⁾ *Plut. de musica* c. 10; *Harpoer. s. v.* Μουσαῖος,

³⁴⁾ *Diog. Laërt. IX*, 38: πάντως μέντοι τῶν Πυθαγορικῶν τινος ἀκούσαι φησιν αὐτὸν (Δημόκριτον) Γλαῦκος ὁ Ρηγῖνος, κατὰ τοὺς αὐτοῦς χρόνους αὐτῷ γεγονώς.

³⁵⁾ *Plut. Vitae X* orr. p. 833 D.

³⁶⁾ *Plut. de mus. IV*.

³⁷⁾ *Plut. de mus. c. VII. Idem (c. V, 6) οἱ ἀναγεγραφότες*, (c. X, 1) οἱ ἀρχαῖοι. Трактатъ „περὶ Αἰσχύλου“, приписываемый Главку (*Aesch. Pers. argum.*), мнѣ кажется, не составлялъ отдѣльнаго сочиненія, но входилъ, какъ часть, въ книгу „περὶ ποιητῶν“.

ровъ и собраннымъ у К. Миллера ³⁸⁾, нельзя не пожалѣть, что онъ не дошелъ до насъ цѣликомъ: помимо одного только историческаго интереса сочиненіе Главка могло имѣть значеніе для современнаго изслѣдователя и по весьма удовлетворительной полнотѣ данныхъ, собранныхъ, очевидно, съ любовью, тщаніемъ и осторожностью. Подобную же тему и около того же времени обработалъ Дамастъ изъ Сигея, ученикъ Гелланика ³⁹⁾. Трактатъ его носилъ названіе „περί ποιητῶν καὶ σοφιστῶν“ и по всей вѣроятности заключалъ въ себѣ уже обзоръ не одной только поэтической, но и въ ту пору еще юной и немногочисленной прозаической литературы ⁴⁰⁾. Авторъ пользовался при этомъ довольно свободно историческимъ матеріаломъ, собраннымъ его предшественниками, особенно же Гекатѣемъ милетскимъ и Гелланикомъ ⁴¹⁾. Столь же общій характеръ имѣло и произведеніе Критія, составившаго въ гексаметрахъ нѣчто вродѣ критическаго обзорѣнія греческой поэзіи. Ученикъ софистовъ и самъ поэтъ,—Критій, естественно, стоялъ преимущественно на почвѣ эстетической оцѣнки продуктовъ поэтическаго творчества ⁴²⁾, но безъ всякаго сомнѣнія стихотворному трактату его не чужды были и историческій моментъ ⁴³⁾. А въ

³⁸⁾ C. Müller's Frgm. H. Gr. II, 23; IV, 653.

³⁹⁾ Вилламовицъ (Hermes. XI p. 292 sq.) и Нисе (ibid. XXIII p. 80 sq.) считаютъ Гелланика современникомъ Эукидида, опираясь на frg. 78, 80. Philochor. frg. 120.

⁴⁰⁾ Подъ словомъ „σοφιστῶν“ въ заглавіи названнаго сочиненія Дамаста К. Мюллеръ разумѣетъ философовъ-софистовъ (II, 65), Зенгебушъ—музыкальныхъ композиторовъ (Dissert. I, 163), Бергъ—прозаическихъ писателей (Gr. Ltgsch. I, 265, прим. 4). Мы склоняемся на сторону послѣдняго мнѣнія.

⁴¹⁾ Agathemerus I, 1: *Δαμάστῃς ὁ Κριτιεύς* (scr. ὁ Σιγείης) τὰ πλεῖστα ἐκ τοῦ Ἑκαταίου μεταγράψας περίπλοον ἔγραψε. Срв. Dionys. Hal. A. R. I, c. 72 (ap. Müller. II, pp. 64, 66).

⁴²⁾ Образецъ такой оцѣнки представляетъ фрагментъ, сохранный у Аеенея (XIII p. 600 d, e) и относящійся къ Анакреонту. Сужденіе Критія объ Архилохѣ см. Aelian V. H. X, 13.

⁴³⁾ Самое обзорѣніе историко-литературнаго матеріала, вѣроятно, располагалось у Критія въ хронологическомъ порядкѣ, для чего конечно нѣкоторымъ подспорьемъ могли служить хронологическія изысканія Гелланика и Дамаста (срв. Dionys. Hal. A. R. I, 72). По поводу важнѣйшаго въ этомъ отношеніи изъ трудовъ Гелланика,—хроникъ жрицы Геры,—см. теперь Niese въ Hermes XXIII, стр. 80 слл.

изслѣдованійхъ, принадлежащихъ слѣдующимъ поколѣнιάмъ, этотъ моментъ уже становится рѣшительно преобладающимъ.

Бъ сожалѣнiю, скудость данныхъ заставляетъ насъ здѣсь ограничиваться почти одною только номенклатурою. Да и номенклатура эта по необходимости представляетъ рядъ важныхъ пробѣловъ, на восполненiе которыхъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакой надежды. Въ самомъ дѣлѣ, исторiя нашей науки вплоть до временъ александрийскихъ, относительно ученой литературы которыхъ мы нѣсколько лучше освѣдомлены, въ сущности не располагаетъ ничѣмъ кромѣ разрозненныхъ именъ, которыя, словно одинокиа въхи, обозначаютъ направленiе историко-литературныхъ изслѣдованiй въ Греции лишь самымъ общимъ образомъ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть здѣсь сочиненiе Праксидаманта, относившееся, правда, болѣе непосредственно къ исторiи музыки, но, какъ музыка у древнихъ, искони была неразрывно связана съ поэзiею и орхестикою въ качествѣ сопровожденiя танцевъ, пѣнiя и декламации, то безъ сомнѣнiя касавшееся также и исторiи этихъ искусствъ ⁴⁴). При этомъ я позволю себѣ высказать убѣжденiе, что другiе музыканты-теоретики, какъ напр. Эпигонъ амбракiйскiй, Агеноръ митиленскiй, Эратоклъ и проч., часто цитируемые Аристоксеномъ, разумѣется, подобно Праксидаманту, также не всегда держались въ тѣсныхъ предѣлахъ чисто теоретическихъ изслѣдованiй и въ своихъ произведенiяхъ часто сталкивались съ фактами исторiи музыки и связанныхъ съ музыкаю поэтическихъ формъ. Тоже должно сказать и о довольно обширной литературѣ, посвященной вопросу о греческихъ празднествахъ,

⁴⁴) Напроег. v. Μουσικῶς: περὶ δὲ Μουσικῶν Ἀριστόξενος ἐν τοῖς Πραξιδαμαντιοῖς φησὶν, ὅτι οἱ μὲν ἐκ Θράκης εἰρήκασι τὸν ἄνδρα εἶναι, οἱ δὲ αὐτόχθονα εἶναι Ἐλευσίνιος; Срв. Suid. s. v. χιζέειν. На основанiи этихъ свидѣтельствъ можно предполагать, что Праксидаманту принадлежалъ трактатъ „περὶ μουσικῶν“ или „περὶ ποιητῶν καὶ μουσικῶν“, потребовавшiй дополненiй или опроверженiй со стороны Аристоксена (Ionsius Scr. hist. ph. I, 76).

торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и мусическихъ агонахъ.

Можно смѣло утверждать, что ни въ какой другой области изслѣдованій историческаго характера ученый въ древней Греціи не располагалъ такимъ богатымъ матеріаломъ, не чувствовалъ подъ собою столь твердой почвы, какъ именно въ области вопросовъ, связанныхъ съ исторіею агонистики. Вездѣ, гдѣ только существовали значительные агоны гимнические (ἄγῳνες γυμνικοί или ἄθλοι) или мусические (ἄ. μουσικοί),—а существовали они въ большинствѣ греческихъ политій,—велись официальные списки побѣдителей, имѣлись спеціальныя календари, ставились памятники съ краснорѣчивыми надписями, слагались легенды. Въ архивахъ такихъ святилищъ, какъ напр. храмъ Аполлона въ Дельфахъ, знаменитые олимпійскіе храмы и проч., антикваріи могъ найти бездну драгоцѣннѣйшихъ историческихъ документовъ, сюда относящихся, а въ художественныхъ собраніяхъ, принадлежавшихъ этимъ святилищамъ, хранились роскошныя къ нимъ иллюстраціи въ видѣ разнообразныхъ «анаѳемъ». Въ текстахъ древнихъ писателей упоминаются «τὰ τῶν Δελφῶν ὑπομνήματα»⁴⁵⁾, «τὰ Ἡλείων ἐς τοὺς Ὀλυμπιονίκας γράμματα»⁴⁶⁾, «ἡ τῶν Παναθηναίων γραφή ἢ περὶ τοῦ μουσικοῦ ἄγῳνος»⁴⁷⁾ и т. п. Все это вмѣстѣ съ анаѳематическими эпиграммами представляло надежный историческій матеріалъ, и изслѣдователи старины, хоть по словамъ Плутарха и поздно⁴⁸⁾, однако не преминули къ нему обратиться и имъ воспользоваться.

Рядъ трактатовъ на темѣ о мусическихъ агонахъ открываетъ собою извѣстное сочиненіе логографа Гелланика

⁴⁵⁾ Plut. Sol. c. 11. Срв. Ranke De Aristoph. vit. (Arist. Plut. ed. Thiersch. 1830), p. 135 sqq.

⁴⁶⁾ Paus. VI, 2, 1; VI, 13, 6, V, 8, 3.

⁴⁷⁾ Plut. de mus. VIII.

⁴⁸⁾ Plut. Num. 1: τοὺς μὲν οὖν χρόνους ἐξακριβῶσαι χαλεπὸν ἐστὶ, καὶ μάλιστα τοὺς ἐκ τῶν Ὀλυμπιονικῶν ἀναγομένους, ὧν τὴν ἀναγραφὴν ὁψὲ φασὶν Ἰππίαν ἐκδοῦναι τὸν Ἡλείου, ἀπ' οὐδενὸς ὁρμώμενον ἀναγκαίου πρὸς πίστιν.

„Καρνεονίχαι“ (или „Κρανίχαι“), заключавшее въ себѣ перечень побѣдителей на карнейскихъ состязаніяхъ въ Спартѣ, — другими словами, исторію музыкально-поэтической дѣятельности Терпандридовъ ⁴⁹⁾. Намъ извѣстны далѣе по имени изъ числа произведеній этого рода разсужденіе Ферекида леросскаго [ол. 81] „περὶ τῶν Διονύσου ἑορτῶν“ ⁵⁰⁾, трактаты Гиппія элейскаго „Ὀλυμπιονικῶν ἀναγραφὴ“, Андрона галикарнасскаго „περὶ θυσίων“ ⁵¹⁾, Габрона „περὶ ἑορτῶν καὶ θυσίων“ и мн. др. Вращаясь преимущественно въ области религіозныхъ древностей, миѳологій и исторіи искусствъ, изслѣдователи эти не могли, конечно, не затрогивать также и исторію эпоса, драмы и мелоса, развитіе которыхъ шло рука объ руку съ развитіемъ агонистики, и успѣли собрать богатый запасъ преданій, фактовъ и личныхъ наблюденій, послужившихъ впослѣдствіи матеріаломъ для перипатетиковъ, коимъ принадлежали, повидимому, самыя крупныя работы по предмету греческой геортологіи.

Уже въ списокѣ сочиненій самого Аристотеля, главы перипатетической школы, мы находимъ относящіеся сюда титулы: Ὀλυμπιονίχαι ἄ, Πυθιονίχαι μουσικῆς ἄ, Πυθικός ἄ, Πυθιονικῶν ἔλεγχοι ἄ, νίχαι Διονυσιακαί ἄ, περὶ τραγῳδιῶν ἄ, διδασκαλίαι ἄ (Diog. L. V, 26). Каково бы ни было взаимное отношеніе трактатовъ, означенныхъ этими титулами, — другими словами, составляли ли каждый изъ нихъ самостоятельное цѣлое, или же напр. „διδασκαλίαι“ были частью

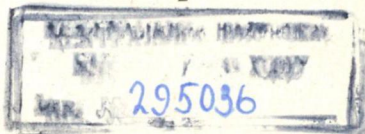
⁴⁹⁾ Срв. Schol. Aristoph. Avv. 1403; Athen. XIV p. 635 e. По свидѣтельству Аѳеней, Гелланикъ дважды обработалъ свое сочиненіе о карнейскихъ состязаніяхъ, — стихами и прозою.

⁵⁰⁾ Мнѣніе Липсіуса (Quaestt. logographicae. Ind. lectt. Lips. 1885/6), будто Ферекидъ леросскій былъ моложе Эратосфена, стоитъ совершенно особнякомъ.

⁵¹⁾ Слѣдуетъ упомянуть honoris causa сочиненіе подъ тѣмъ же заглавіемъ, принадлежавшее извѣстному жрецу и чудотворцу Эпимениду критскому (Diog. L. I, 112). Быть можетъ, Амелесагоръ халкедонскій также имѣетъ право быть здѣсь поименованнымъ (срв. Müller Frgm. h. Gr. II p. 21). — Насколько дѣйствительно имѣли отношеніе къ исторіи литературы сочиненія разныхъ авторовъ, озаглавленные „περὶ θυσίων“, „περὶ ἑορτῶν“ и т. п., о томъ яснѣ всего свидѣлствуютъ напр. фрагменты Сосибія (ар. Müller. II p. 626 sq.) и Филохора (Natalis Comitit Mythol. I, 9 p. 36; цит. Müller. Frgm. h. Gr. I p. 413).

книги „περὶ τραγῳδιῶν“ (Б. Мюллеръ), а „Ποσειδωνικαὶ μουσικῆς“—частью сочиненія „Ποσειδωνικῶν ἑλεγχοί“, приведеннаго въ спискѣ вторично подъ заглавіемъ „Ποσειδός“ (Целлеръ),— во всякомъ случаѣ нельзя предполагать, что это были только своды готовыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ официальныхъ документовъ,—голые перечни побѣдителей въ состязаніяхъ и ихъ конкурентовъ, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ. Это, во первыхъ, несогласно съ общимъ характеромъ ученыхъ работъ Аристотеля, который, по справедливому замѣчанію Бергка, никогда не останавливался на одномъ накопленіи эмпирическаго матеріала; во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что, по всей вѣроятности, поименованные труды были предприняты Аристотелемъ прежде всего въ интересахъ историко-литературнаго изслѣдованія, какъ подготовительные этюды къ его большому трактату „περὶ ποιητῶν“⁵²⁾. Въ нихъ, несомнѣнно, наряду съ поло-

⁵²⁾ Трактатъ „περὶ ποιητῶν“, состоявшій изъ трехъ книгъ, упоминается у Діогена лаэртскаго (V, 22) и въ двухъ анонимныхъ біографіяхъ Аристотеля (ар. Menag. Diog. p. 202; ар. Buhl. Arist. I p. 54), изъ коихъ одна приписываетъ ему форму діалога. По мнѣнію Эггера (Essai sur l'histoire de la critique chez les Grecs. Paris. 1887. p. 184), это было не что иное, какъ продолженіе и распространеніе „дидаскалій“; напротивъ Гейтцъ (Die verlorenen Schriften des Aristoteles. Leipz. 1865 стр. 174 слл., 255 сл.), считающій „дидаскаліи“ за простые реестры именъ и титуловъ („blosse Aufzeichnungen rein äusserlicher Umstände“), совершенно отрицаетъ существованіе какой бы то ни было связи между ними и названнымъ трактатомъ. Что касается нашего сужденія, то мы не видимъ возможности согласиться съ Гейтцомъ. Кромѣ элемента статистическаго въ „дидаскаліяхъ“, несомнѣнно, заключался и элементъ критическій, на что мы имѣемъ ясное указаніе (см. стр. 18 прим. 55). По нашему убѣжденію, это былъ не просто каталогъ, но серьезная обработка эпиграфическаго матеріала, рядъ официальныхъ записей (ἀναγραφαί), приведенныхъ въ систему, проверенныхъ и объясненныхъ на основаніи частныхъ изысканій. Трудъ этотъ, очевидно, долженъ былъ служить къ уясненію различныхъ вопросовъ исторіи аттической драмы, которая для Аристотеля составляла предметъ весьма долгаго и всесторонняго изученія. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ „дидаскаліи“ работою, въ извѣстной мѣрѣ подготовившею какъ трактатъ историческаго содержанія „περὶ ποιητῶν“, такъ даже и теоретическое сочиненіе „ποιητικῆς“, до насъ въ искалѣченномъ видѣ дошедшее. Подобнаго воззрѣнія держится между прочимъ и Гольмъ въ послѣднемъ изъ вышедшихъ томовъ своей „Исторіи Греціи“ (III), называющій еще болѣе опредѣленно дидаскаліи „eine auf Dokumente gegründete Theatergeschichte“ (стр. 490).

жительными результатами архивных розысканий неминуемо должны были найти мѣсто и тѣ или инныя рѣшенія разнаго рода критическихъ вопросовъ, — касательно принадлежности сомнительныхъ произведений, ихъ точныхъ заглавій, ихъ хронологіи и т. п. Что въ самомъ дѣлѣ было такъ, о томъ свидѣтельствуется одинъ варіантъ вышеприведеннаго списка, въ которомъ значится: „Ολυμπιονίκας, βιβλίον α, ἐν ᾧ Μέναιχμον ἐνίκησεν“ [Ἀριστοτέλης] (Anonym. Menagii). К. Мюллеръ замѣчаетъ: «ea (Anonymi verba) ita intelligo, ut Aristotelem in descriptione ludorum Olympicorum et in constituenda serie victorum adhibuisse statuat simile opus Menaechmi, ita ut notaret, quae minus recte Menaechmus posuisse videretur»⁵³⁾.

Особенно важное значеніе имѣли, повидимому, «дида-скаліи», къ которымъ впослѣдствіи не переставали обра-щаться, какъ къ первостепенному источнику, Дикѳархъ, Гераклидъ, Каллимахъ, Эратосѳенъ, Аристофанъ византійскій⁵⁴⁾ и проч. Какъ явствуется изъ немногихъ ссылокъ на это произведение, встрѣчающихся въ древнихъ схоліяхъ (ad Aristoph. aves v. 281), словаряхъ (Phot. s. v. ὄνου σκιά) и т. п., можно полагать, что въ «дидаскаліяхъ» Аристотеля были сведены и снабжены критическимъ комментариемъ⁵⁵⁾ документальныя свидѣтельства, касавшіяся хронологіи атти-ческой драмы и отчасти мелоса. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что уже и при Аристотелѣ историко-литературное преданіе зачастую оказывалось далеко непол-нымъ, а иногда и просто на-просто ложнымъ, и что за исклю-ченіемъ несовершенныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, сдѣланныхъ Гелланикомъ и Дамасомъ (ср. стр. 13 прим. 43),

⁵³⁾ Frgm. h. Gr. II p. 182.

⁵⁴⁾ О дидаскаліяхъ см. U. Köhler въ Mittheil. des deutschen archäo- logischen Instituts in Athen, III; Richter Prol. ad Aristoph. Vesp. p. 13 sqq; Heitz op. cit. p. 255 sq; A. Krebs „Didaskalia“ (Dictionn. des antiquités par Daremberg et Saglio p. 167). У Кребса приведена полная библіографія этого запутаннаго и интереснаго вопроса.

⁵⁵⁾ Срв. напр. Schol. ad Aristoph. aves v. 1379: Δίδυμος μὲν κύκλον, ἐπεὶ κυκλίων ἁσμάτων ποιητὴς ἐστὶ (ὁ Κινησίας), κολλὸν δὲ, ἐπεὶ χωλὸς ἐστὶν...ὁ δὲ Ἀριστοτέλης ἐν ταῖς διδασκαλίαις δύο φησὶ γεγονέναι.

никто до толѣ не предпринималъ точныхъ хронологическихъ изысканій съ цѣлью установить неразрывную связь между одиночными фактами исторіи литературы, то намъ нетрудно будетъ оцѣнить заслугу великаго стагирита, впервые взявшагося за рѣшеніе этой задачи. Его «дидаскаліи» должны были внести опредѣленный, надежный принципъ въ ту область знанія, гдѣ до сихъ поръ дѣйствительность сплеталась съ вымысломъ, недочетъ въ фактическихъ данныхъ свободно пополнялся созданіями досужей фантазіи и произволъ царилъ въ самой группировкѣ наличнаго матеріала.

Ученики Аристотеля съ успѣхомъ продолжали его розысканія. Къ его «дидаскаліямъ» и «никамъ» (Νῆξι) по содержанию и общему характеру примкнули трактаты Теофраста „περὶ ἑορτῶν“, Дикэарха „διδασκαλίαι“, „περὶ Διονυσιακῶν ἁγώνων“, „περὶ ἁγώνων μουσικῶν“, „Παναθηναϊκός“, „Ὀλυμπιακός“, Гераклида понтійскаго „περὶ μουσικῆς“, „συναγωγὴ τῶν ἐν μουσικῇ“, „περὶ τῶν τριῶν τραγωδοποιῶν“, Гіеронима родоскаго „περὶ τῶν κίθαρῶδων“ и мн. др. Въ перипатетической школы исторія агонистики также стала возбуждать интересъ: Филохоръ посвятилъ специально аѳинскимъ состязаніямъ огромный трудъ „περὶ τῶν Ἀθηνῆσι ἁγώνων“ (въ 17 книгахъ); ему же приписываются изслѣдованія: „περὶ ἑορτῶν“, „περὶ θυσιῶν“, „περὶ καθαρμῶν“; Аристоксенъ помимо общаго сочиненія по исторіи музыки („περὶ μουσικῆς“ въ 4-хъ кн.) писалъ „περὶ αὐλητῶν“ и „περὶ τραγωδοποιῶν“; Дуриду самосскому принадлежало сочиненіе „περὶ ἁγώνων“, Тимэю тавромениту — „Ὀλυμπιονῆται“, Демону — „περὶ θυσιῶν“, Истру — „περὶ ἰδιότητος ἄθλων“, „μελοποιίαι“ и проч. ⁵⁶⁾).

Независимо отъ такихъ геортологическихъ изслѣдованій, имѣвшихъ, разумѣется, лишь косвенное отношеніе къ исторіи литературы въ собственномъ смыслѣ слова, кругъ занятій вопросами этой послѣдней не переставалъ расширяться.

⁵⁶⁾ См. у К. Мюллера второй реестръ (index titulorum, IV, p. 679 sqq.) подъ словами: περὶ ἁγώνων, π. ἑορτῶν, π. θυσιῶν, π. μουσικῶν съ соответствующими ссылками. Срв. также Krause Olympia p. XI sqq.

Съ этими вопросами должны были столкнуться между прочимъ и весьма многочисленные въ древней Греціи изслѣдователи исторіи человѣческихъ открытій и изобрѣтеній. Пытливый умъ грека рано сталъ углубляться въ изысканіе причины всего существующаго, и не было ничего, что онъ не старался бы такъ или иначе возвести къ своему первоисточнику. Онъ устанавливалъ генеалогическія связи между богами народной религіи, искалъ общаго праотца для много-различныхъ греческихъ племенъ, интересовался возникновеніемъ отдѣльныхъ городскихъ общинъ, святилищъ и культовъ, старался открыть имена изобрѣтателей разнаго рода искусствъ и техническихъ производствъ, объяснить генетически происхожденіе предметовъ повседнежнаго употребленія и самыхъ ихъ названій и т. п. Каждый фактъ, каждое явленіе, каждая вещь составляли для грека *posterius*, досадно дразнившее его фантазію неотвязнымъ вопросомъ: каково же было *prius*? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ явилась мало по малу цѣлая серія трактатовъ «объ открытіяхъ» (*περί εὐρημάτων*). Въ нихъ повѣствовалось напр. о томъ, что первый корабль былъ построенъ и спущенъ на море ливійцемъ Атлантомъ, а первая свирѣль сдѣлана фригійцемъ Сатиромъ, что употребленіе ремня въ кулачномъ бою (*ῥάυντες ποκτικοί*) введено было впервые Амикомъ, царемъ Бебриковъ, а краска для волосъ придумана Медеею, что религіозные обряды (*τὸ θρησκευεῖν*) обязаны своимъ происхожденіемъ Θракійцамъ (*Θράκες*), что астрологіей стали прежде всѣхъ заниматься египтяне, что обработку желѣза и мѣди изобрѣли идѣйскіе дактилы, что быкъ впервые запряженъ въ плугъ уроженцемъ Аттики Эпименидомъ, что строить башни первые стали Киклоны и проч., и проч.³⁷⁾. Выходить, стало быть, что не было такой области, которой не затрогивали бы эти трактаты, и само собою разумѣется, что и область исторіи литературы они не оставляли въ сторонѣ. Гдѣ возникъ алфавитъ и какъ онъ сдѣлался достояніемъ

³⁷⁾ Срв. Lobbeck Aglaoph. I p. 168.

грековъ, кто былъ изобрѣтателемъ той или другой поэтической формы, кому принадлежало то или иное изреченіе, — всѣ эти и подобныя задачи охотно брались разрѣшить авторы изслѣдованій „περὶ εὐρημάτων“. Древнѣйшимъ изъ такихъ авторовъ, намъ извѣстнымъ, былъ Симонидъ Генеалогъ, племянникъ соименнаго лирика. За нимъ слѣдовали историки Эфоръ и Филохоръ, Филархъ, Эфиппъ, Филостефанъ, Кидиппъ, Антифанъ, Аристодемъ и Скаммонъ, Аристотель и перипатетики Теофрастъ, Гераклидъ понтійскій, Стратонъ и мн. др.⁵⁸⁾ Къ сожалѣнію, богатая и своеобразная литература эта погибла безвозвратно, и мы не могли бы даже составить себѣ о ней болѣе или менѣе ясное представленіе, если бы случайно не сохранились краткіе экскерпты изъ названныхъ писателей, сдѣланные Плиніемъ и Климентом александрійскимъ⁵⁹⁾.

Съ Аристотеля начинается новая пора для нашей науки. Всѣ болѣе раннія работы первыхъ пионеровъ ея были оставлены позади историко-литературными трудами великаго философа, соединявшими глубину, серьезность и основательность съ строгою методичностью. Его «Поэтика» (περὶ ποιητικῆς) и «Реторика» (περὶ ῥητορικῆς) представляютъ собою теоретическія сочиненія, опирающіяся на всестороннѣйшее изученіе исторіи греческой поэзіи и прозы, и предполагаютъ цѣлый рядъ подготовительныхъ изслѣдованій въ этой области. Какъ извѣстно, эти изслѣдованія, каковы напр. συναγωγή τεχνῶν (трактатъ, посвященный исторіи ораторскаго искусства), συναγωγή τέχνης τῆς Θεοδέκτου (курсъ лекцій по предмету реторики, изданный Θεοδέκтомъ), προβλήματα Ὀμηρικὰ, ἀπορήματα ποιητικὰ, περὶ ποιητῶν (обширное сочиненіе по исторіи поэзіи, въ 3-хъ книгахъ), упомянутыя выше διδασκαλίαι и проч., либо вовсе не дошли до насъ, либо уцѣлѣли въ видѣ ничтожныхъ и уже значительно искажен-

⁵⁸⁾ K. Müller Frgm. hist. Gr. IV, index II s. v. περὶ εὐρημάτων; Uppenkamp op. cit. p. 14 sqq.

⁵⁹⁾ Clem. Alex. Strom. I, 74 p. 132 S (ap. Müller. IV p. 490); Plin. H. N. VII, 57.

ныхъ фрагментовъ, разсѣянныхъ главнымъ образомъ по различнымъ схоліямъ; тѣмъ не менѣ историкъ обязанъ остановиться на этихъ титулахъ и фрагментахъ, ибо здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ источникомъ, изъ котораго ближайшіе послѣдователи Аристотеля черпали и фактическія данныя, и методическія указанія, и, главное, живой интересъ къ подобнаго рода изысканіямъ. Безъ этого могущественнаго стимула, можно сказать навѣрное, историко-литературныя занятія въ Греціи никогда не приняли бы тѣхъ обширныхъ размѣровъ, какихъ они достигаютъ въ третьемъ столѣтіи до Р. Х., во времена діадховъ, когда на поприщѣ нашей науки вослѣдъ за перипатетиками Теофрастомъ, Деметріемъ фалерскимъ, Дикзархомъ, Фаніемъ, Гераклидомъ понтійскимъ, Хамэлеонтомъ, Праксифаномъ, Метаклидомъ и др. выступаютъ свѣтила грамматическихъ школъ Александріи и Пергама, — Эратосѣенъ, Каллимахъ, Кратетъ, Антигонъ каристійскій, Гермиппъ и проч. Сочиненія общаго характера и монографіи, посвященныя вопросамъ частнымъ, критическіе трактаты, біографіи поэтовъ, философовъ, ораторовъ, музыкантовъ, ученыхъ, толковые каталоги, хрестоматіи, хронологическія розысканія, полемическіе памфлеты, — все это сразу наводняетъ книжный рынокъ, дотолѣ довольно бѣдный товаромъ этого рода. Намѣчаются серьезныя научныя цѣли, ставятся и отчасти рѣшаются вопросы первостепенной важности, ведется самое кропотливое собираніе матеріала, вспоминаются полузабытыя имена, дѣлаются интересныя обобщенія. Цѣлый легионъ ученыхъ занимается изслѣдованіемъ гомеровскаго вопроса и выдѣляетъ изъ себя школу такъ называемыхъ «хоризонтовъ» съ Ксенономъ и Гелланикомъ во главѣ, которые, шествуя по пути, намѣченному Главкомъ и др.⁶⁰⁾

⁶⁰⁾ Изъ схолій къ Эврипиду можно заключить, что Главкъ отрицалъ принадлежность „Кипрій“ Гомеру (Schol. Eurip. Necub. 41: ὁ τὰ Κίπριον ποιῶν φησὶν—ὡς Γλαῦκος γράφει). Сомнѣніе въ достовѣрности преданія, приписывавшаго одному поэту весь эпическій циклъ, зародилось впрочемъ и до Главка, и уже логографъ Гелланикъ, повидному, сталъ интересоваться вопросомъ о подлинныхъ авторахъ поэмъ этого цикла. Геродотъ считалъ не только „Кипрій“, но и „Эпигоновъ“ чуждыми Гомеру. Фукидидъ отно-

стараются доказать, что не только поэмы эпического эпоса, Маргитъ и гимны не могут быть приписаны Гомеру, но и самая Одиссея чужда ему. Другіе (Мегаклидъ?) пытаются примѣнить приемы той же разлагающей критики къ обширному циклу стихотвореній гесіодическихъ. Ликофронъ, Эратосѣенъ, Эвфроній подвергаютъ тщательному изслѣдованію вопросъ о подлинности драматическихъ произведеній, приписываемыхъ комикамъ. Подобныя же изысканія производятся и въ области трагедіи, различныхъ видовъ лирики, исторіи, философіи.

Можно сказать безошибочно, что всей суммой нашихъ свѣдѣній по части вѣстной исторіи греческой литературы мы обязаны тому научному движенію, которое развилось въ школѣ Аристотеля и мало по малу увлекло прочихъ ученыхъ. Важнѣйшіе источники наши, какъ-то—словари Гарпократіона, Свида, Гесихія, Фотія, паросская хроника (*Chronicon Parium*), хроника Евсевія, разрозненныя свидѣтельства схолий, спеціальныя трактаты вродѣ псевдо-плутархова „*περὶ τῶν δέκα ῥητόρων*“ или извѣстной книги Діогена лаэртскаго, случайно сохранившіяся біографіи,—все это восходитъ, какъ къ своему первоисточнику, къ тѣмъ историко-литературнымъ трудамъ, которые явились плодами этого движенія ⁶¹⁾. Тѣмъ печальнѣе, что нынѣ мы должны довольствоваться лишь жалкими фрагментами богатѣйшей ученой литературы, имъ созданной, — фрагментами, зачастую совершенно неважными и несущественными. И еслибы кто пожелалъ по этимъ обломкамъ возсоздать исторію ученыхъ студій, нами здѣсь

силъ къ автору Иліады и Одиссеи только гимны, Аристотель—Маргита, а Платонъ, какъ кажется, отвергалъ и эти стихотворенія, какъ псевдо-гомеровскія, признавая только Иліаду и Одиссею достойными имени Гомера.

⁶¹⁾ Нѣсколько преувеличиваетъ однако Фолькманъ значеніе историко-литературныхъ трактатовъ Аристотеля, считая напр. его сочиненіе (діалогъ?) „*περὶ ποιητῶν*“ за непосредственный источникъ большей части находящихся у Свида біографій греческихъ поэтовъ древнѣйшаго періода (R. Volkmann *Quaestiones de Suidae biographicis*, Bonn. 1861. p. 16 sqq.). См. Heitz op. cit. p. 177.

бѣгло очерченныхъ, въ болѣе цѣльной, яркой и полной картинѣ, то ему потребовались бы для того недюжинныя дивинаторныя способности.

Задача настоящаго сочиненія несравненно скромнѣе. Мы остановимъ свое вниманіе на дѣятельности лишь одного изъ тѣхъ тружениковъ науки, которые подвизались на поприщѣ историко-литературныхъ изслѣдованій въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за смертью Аристотеля. Труженикъ этотъ — Каллимахъ, болѣе извѣстный, правда, въ качествѣ поэта, нежели въ качествѣ ученаго, хотя и самая поэзія его отмѣчена печатью изумительной энциклопедической учености, снискавшей ему прозвище «непогрѣшимого» (ἄπτωτος).

Впрочемъ мы не безъ намѣренія и не случайно выбрали предметомъ своего разсужденія именно его: онъ можетъ считаться представителемъ александринизма вообще и того направленія, которому подчинялись историко-литературныя занятія александрійской эпохи, — въ частности. Одинъ изъ ученыхъ, посвятившій дѣятельности Каллимаха серьезную и интересную диссертацию, справедливо говорить: «Callimachus vere est Alexandrinus; et omnes notae, quibus signantur hujus aetatis et regionis ingenia, in eo et in scriptis ejus mirum in modum expressae videntur» ⁶²⁾.

Экскурсъ 1.

(Къ стр. 3 сл.).

Роль Писистрата въ исторіи гомеровской критики.

Немногимъ болѣе полувѣка тому назадъ открытіе неизвѣстныхъ до того греческихъ текстовъ побудило Фр. Ричля приняться за подробное разсмотрѣніе вопроса объ участіи Писистрата въ дѣлѣ исправленія гомеровскихъ поэмъ. Ричль строго взвѣсилъ достоинство прямыхъ и косвенныхъ пока-

⁶²⁾ E. Thionville. De arte Callimachi poëtae. Parisiis. 1855. р. 27.

заній, даваемых на этотъ счетъ нашими источниками, и почерпнулъ изъ нихъ твердое убѣжденіе, что заслуги Писистрата по отношенію къ гомеровской критикѣ составляли въ древности общепризнанный, непререкаемый фактъ и что, если ни Геродотъ, ни Фукидидъ, ни Платонъ, ни Аристотель ни единымъ словомъ не обмолвились на счетъ писистратовой рецензій, то изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что они о ней ничего не знали. Такое молчаніе ихъ для него вполне объяснялось тѣмъ, что Писистратъ и его сотрудники въ сущности были не творцами гомеровскихъ поэмъ, какъ законченнаго цѣлаго, а лишь восстановителями утраченнаго съ теченіемъ времени единства стихотвореній, въ чемъ де согласны всѣ писатели древности. Кромѣ того врядъ ли и были въ состояніи названные авторы оцѣнить по достоинству всю важность аттической рецензій. „Wie konnten sie“,—разсуждалъ Ричль,—„sie und andere in ähnlichen Fällen, in ihrer Zeit stehend, alle Zeichen der Zeit verstehen, den sichern Massstab für das Bedeutsame und Untergeordnete auf geistigem Gebiete besitzen, das Bedürfniss einer wissenschaftlichen Nachwelt berechnen“? (Opp. philol. p. 42 sqq.). Ричль не смутился тѣмъ, что за неимѣніемъ болѣе раннихъ свидѣтельствъ ему пришлось въ настоящемъ случаѣ опираться свои выводы на свидѣтельства относительно позднія. Онъ понималъ, что поздняя дата, если и понижаетъ нѣсколько ихъ цѣну, то все же отнюдь не уничтожаетъ ея совершенно. Въ виду всего этого онъ не заподозрилъ достовѣрности преданія и призналъ сообщеніе схолій о коммисіи Писистрата не за досужій вымыселъ грамматиковъ, а за дѣйствительный историческій фактъ. Этого мало,—писистратовъ текстъ, по его мнѣнію, сталъ какъ бы вульгатою (war gleichsam die Vulgate geworden) и легъ въ основаніе критическихъ работъ знаменитыхъ alexandrinскихъ справщиковъ, всегда принимавшихъ за исходный пунктъ установленную коммисіею редакцію. Правда, самый списокъ гомеровыхъ твореній, изготовленный при Писистратѣ, тогда уже не существовалъ, но въ нихъ распоряженіи находились такъ наз. *κοινὰ*, *κοινότεροι ἐκδόσεις*, прямо или посредственно пошедшія отъ этого списка (ibid. p. 50 sqq.).

Съ тѣхъ поръ, какъ мысли эти были высказаны въ сочиненіи названнаго ученаго „Die alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemäern und die Sammlung der Homerischen Gedichte durch Pisistratus“, протекло сличкомъ пятьдесятъ лѣтъ,—*grande aevi spatium!*—и, хотя новыхъ открытій, способныхъ пролить свѣтъ на затронутый Ричлемъ вопросъ, за это время не было сдѣлано никакихъ, однако сужденія изслѣдователей по сему предмету нынѣ въ корень измѣнились. Послушаемъ напр., что говоритъ А. Лудвигъ,—ученый, которому конечно никто не откажетъ ни въ глубокомъ и всестороннемъ знакомствѣ съ гомеровскимъ вопросомъ, ни въ критическомъ талантѣ, ни въ надлежащей осмотрительности. „По моему разумѣнію“,—читаемъ мы у него (Aristarch, I, стр. 10),—„при нынѣшнемъ состояніи нашихъ средствъ совершенно безплодно стараніе опредѣлить тотъ первоисточникъ, изъ котораго могли произойти прямо или косвенно всѣ до-аристарховскія изданія Гомера; по крайней мѣрѣ слѣдовало бы хоть отказаться отъ насильственнаго вовлеченія противорѣчиваго мнѣя о „редакціи Писистрата“ въ такую область, гдѣ онъ рѣшительно не имѣетъ права гражданства“. Въ другомъ мѣстѣ Лудвигъ высказывается еще рѣзче: „съ 1862 года“, заявляетъ онъ, „столь нѣкогда блестящая звѣзда писистратовой редакціи, если и не совершенно погасла, то все же померкла почти до

полнаго затмѣнія. Въ означенномъ году появилась въ Rhein. Mus. N. F. XVII стр. 481 слл. статья Лерса „Zur Homerischen Interpolation“, безнадѣжно покончательно изгнавшая всю писистратову комиссію съ ея изданіемъ Гомера въ неистощимую волшебную область литературныхъ легендъ. Съ тѣхъ поръ комиссія эта потеряла всякое значеніе и для критики текста... Обращать еще теперь вниманіе при критикѣ гомеровскаго текста на „рецензію Писистрата“, какъ на важный источникъ искаженія, изъ котораго можно было бы систематически извлекать пользу (eine ernsthafte und systematisch auszubeutende Fehlerquelle), значило бы вмѣсто здоровой критики возвышать на степенъ принципа критическую неразборчивость (Akrisie)“ (ibid. II p. 391, 404).

Если не съ такою рѣзкостью, то все же въ томъ же неблагоприятномъ смыслѣ судятъ о значеніи Писистрата и его пресловутой комиссіи въ исторіи гомеровскаго текста и многіе другіе новѣйшіе изслѣдователи, какъ напр. Нутцгорнъ (Die Entstehung d. Hom. Gedichte, стр. 16 слл.), Мадвигъ (въ предисловіи къ соч. Нутцгорна, стр. VIII), Монро (у Мараффи), Фолькманнъ (Gesch. u. Kritik d. Wolf'schen Prolegomena, Lpzg. 1874. стр. 315 слл.), I. Тѣнфферъ (Quaestt. Pisistrateae. Dorp. 1886. p. 124 sq.), A. Шейндлеръ (Zeitschr. f. d. österreich. Gymn. 1887. VII p. 517), у насъ — Рузскій (Къ вопросу о такъ наз. аттицизмахъ въ гомеровскомъ языкѣ. Каз. уч. Зап. 1890, IV стр. 1 сл.) и проч. Самъ Виламовицъ-Мѣллендорффъ, основательно отстаивающій важность той роли, которая выпала на долю Аѣния въ судьбѣ гомеровскаго преданія, считаетъ сообщеніе нашихъ источниковъ о литературной дѣятельности Писистрата не болѣе, какъ легендою. Столь же отрицательной точки зрѣнія придерживается и К. Зиттль. Но съ особенною безпощадностью относится къ сказанію о Писистратѣ Флахъ, посвятившій этому вопросу цѣлое изслѣдованіе (Pisistratos u. seine litterarische Thätigkeit. Tübingen. 1885).

Флахъ повторяетъ сомнѣнія своего учителя Лерса (вышеназв. соч.) и старается подкрѣпить ихъ силу нѣкоторыми новыми соображеніями касательно самаго происхожденія нашихъ извѣстій объ аѣнской рецензіи. Онъ задается цѣлью доказать не только, что авторы, сообщающіе намъ о литературной дѣятельности Писистрата, черпали свои свѣдѣнія на этотъ счетъ изъ позднихъ источниковъ, но что источники эти были къ тому же недостоверны, лживы, тенденціозны. По его словамъ, нѣтъ ни одного извѣстія о писистратовомъ собраніи гомеровскихъ стихотвореній, которое бы не могло быть возведено прямо или косвенно къ Кратету изъ Малла и пергамской школы кратетейцевъ (стр. 15). Но пергамскіе ученые, распространяя такіа легендарныя извѣстія, дѣйствовали по личнымъ мелочнымъ побужденіямъ зависти и недоброжелательства: они видѣли въ сообщеніи объ аѣнской комиссіи одно изъ средствъ умалить и обезцѣнить заслуги ненавистныхъ имъ александрійскихъ ученыхъ въ дѣлѣ исправленія текста гомеровскихъ поэмъ (стр. 26). Имъ поэтому не было дѣла до того, лежалъ ли въ основаніи сообщенія этого дѣйствительный историческій фактъ, или тенденціозный вымыселъ: они встрѣтились съ нимъ въ сочиненіяхъ мегарскихъ историковъ, — Діевхида, Гереея и др., — и для своихъ цѣлей воспользовались имъ, не подвергнувъ его серьезной критической провѣркѣ. Что же касается названныхъ мегарскихъ писателей, то послѣдніе, вѣроятно, опирали свое сообщеніе на какія нибудь старыя мѣстныя легенды,

возникшія на почвѣ враждебныхъ отношеній между Аѣннами и Мегарою и обвинявшія Писистрата въ систематической фальсификаціи гомеровскаго текста въ угоду аѣнскимъ и въ ущербъ мегарскимъ интересамъ. Съ теченіемъ времени легенды эти разукрасились новыми подробностями и мало по малу сложились въ комплексъ сказаній объ аѣнской комиссіи и писистратовой библіотекѣ (стр. 27—32). Такимъ образомъ позитивной силы свидѣтельства Діевхида, Герея и др. отнюдь имѣть не могли,—это было напротивъ наглое измышленіе мегарянъ (*eine dreiste Erfindung der Megarer*), не представляющее для насъ ровно никакого значенія. На самомъ дѣлѣ Писистратъ никогда не былъ справщикомъ и собирателемъ гомеровыхъ поэмъ, никогда не производилъ ревизіи ихъ текста и не вставлялъ въ послѣдній никакихъ самодѣльныхъ стиховъ, а вульгата александрійскихъ ученыхъ восходитъ къ аѣнскимъ экземплярамъ пятого и четвертаго столѣтія, коихъ происхожденіе намъ вполне неизвѣстно и не можетъ быть опредѣлено (стр. 41).

Всѣ заключенія эти, по мнѣнію Лудвига, болѣе цѣнны, нежели все остальное, что было написано по вопросу о Писистратѣ послѣ Лерса (*Ludwich op. l. II, p. 404*). Мы вынуждены придавать имъ большое значеніе и во всякомъ случаѣ обязаны считаться съ ними. Стоять на сторонѣ прежняго воззрѣнія, совершенно поколебленнаго, повидимому, новѣйшими изслѣдованіями, теперь уже невозможно безъ всякой оговорки, и въ подкрѣпленіе тѣхъ положеній, съ которыми читатель встрѣтился у насъ выше (стр. 3 сл.), мы видимъ себя вынужденными привести здѣсь нѣкоторые свои критическія соображенія.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить, чтѣ именно въ преданіи о Писистратѣ и о его комиссіи способно породить сомнѣніе и недовѣріе,—внутренняя ли неправдоподобность сообщаемого этимъ преданіемъ факта, или же самая недоброкачественность нашихъ источниковъ? Другими словами,—подозрительно ли само по себѣ допущеніе, что въ огражденіе цѣлости текста лучшихъ народныхъ эпическихъ стихотвореній, въ особенности же и преимущественно передъ другими—поэмъ Гомера, въ Аѣнахъ въ VI стол. до Р. Х. могъ быть сдѣланъ рядъ правительственныхъ мѣропріятій, или же такое допущеніе только потому и должно быть отвергнуто, что въ основаніи его лежатъ совершенно ненадежныя свидѣтельства?

Обыкновенно съ этимъ связываютъ также и другой вопросъ, затронутой недавно въ русской литературѣ г. Рузскимъ (въ указ. статьѣ): носятъ ли текстъ гомеровскихъ стихотвореній на себѣ какой либо примѣтный отпечатокъ аттическаго вліянія и настолько ли силенъ этотъ отпечатокъ, чтобы можно было вообще признать за Аѣнами дѣятельную роль въ установленіи и сохраненіи той редакціи обихъ поэмъ, въ которой онѣ намъ извѣстны?

Мы знаемъ положительно, что на величайшемъ изъ аѣнскихъ праздниковъ,—панатенейскомъ,—вплоть до позднѣйшихъ временъ существовалъ обычай рапсодической рецитациі исключительно гомеровскихъ стихотвореній и что обычай этотъ восходилъ, по общему мнѣнію образованныхъ аѣнянъ, къ глубокой старинѣ (*Lysurg. c. Leost. 102: οὕτω γὰρ ὑπέλαβον ὁμῶν οἱ πατέρες σπουδαῖον εἶναι ποιητὴν ὥστε νόμον ἔθεντο καὶ ἐκάστην πεντατηρίδα τῶν Παναθηναίων μόνου τῶν ἄλλων ποιητῶν ῥαψωδεῖσθαι τὰ ἔπη*. Срв. *Preudoplat. Hipparch. p. 228 B; Aelian. V. H. VIII, 2*). Пользовался ли Гомеръ такимъ же предпочтеніемъ гдѣ нибудь и въ другомъ мѣстѣ Греціи,

объ этомъ свѣдѣній мы не имѣемъ, но позволительно думать, что, еслибы помянутое обыкновеніе не составляло особенной, отличительной черты однихъ только панаѳеней, то Ликургъ въ прив. м. сдѣлалъ бы на то какое либо указаніе. Выходитъ, стало быть, что для Аѳинъ уже въ силу требованій сакрального ритуала было существенно важно имѣть авторизованный списокъ гомеровскихъ пѣсенъ, подобно тому какъ впоследствии, когда обстоятельства вынудили аѳинское правительство допустить на діонисовыхъ празднествахъ повтореніе классическихъ пѣсней стараго репертуара, оказалось существенно важнымъ и необходимымъ изготавить авторизованный списокъ произведеній трехъ величайшихъ аттическихъ трагиковъ. Говоря такимъ образомъ, мы конечно далеки отъ мысли считать этотъ списокъ возстановленіемъ гомеровскаго текста въ совершенно точномъ соотвѣтствіи съ оригиналомъ, успѣвшимъ уже значительно пострадать отъ произвола рапсодовъ и неточности списателей: для этого было бы потребно знакомство съ приемами дипломатической критики, коего мы отнюдь не смѣемъ предположить для столь ранней эпохи; но мы можемъ разумѣть здѣсь установленіе аѳинской вульгаты, т. е. нормальнаго текста, обезпечивавшаго до извѣстной степени дальнѣйшее сохраненіе и неизмѣнность преданія въ предѣлахъ Аѳинъ.

Что касается вопроса о времени, къ которому можно было-бы приурочить возникновеніе подобной вульгаты, то естественнѣе всего думать, что оно либо совпадало со временемъ организаціи панаѳенейскаго мусическаго агона, либо-же непосредственно слѣдовало за нимъ. Если чѣмъ либо скорѣе всего могли быть вызваны серьезныя заботы правительства о собраніи и приведеніи въ порядокъ допущенныхъ къ публичной рецитаціи въ городѣ эпическихъ стихотвореній, то, разумѣется, не столько идеальнымъ стремленіемъ имѣть въ городскомъ архивѣ наиболѣе исправный экземпляръ произведеній лучшаго національнаго поэта, сколько ясно сознаннымъ необходимостью, практическимъ расчетомъ. Быть можетъ, попытка Солона упорядочить рапсоδικескую рецитацію Илиады въ Бравронѣ (если только вообще короткую замѣтку Гесихія s. v. Βραχρώνιος· τῇν Ἰλιάδα ἥδον ραψῳδοὶ ἐν Βραχρόνι τῆς Ἀττικῆς мы вправѣ толковать въ такомъ смыслѣ, какъ толкуетъ ее Бергъ Gr. Isgsch. I стр. 499; однако см. Volkmann Gesch. u. Kritik der Wolf'schen Prolegomena, стр. 309) повела къ обнаруженію слабыхъ сторонъ ходячаго преданія и вызвала потребность въ пересмотрѣ текста гомеровскихъ стихотвореній (срв. выше стр. 5, прим. 10 и 11). Быть можетъ также, что и независимо отъ сомнительныхъ распоряженій Солона на этотъ счетъ, — распоряженій, о которыхъ не сообщаетъ намъ кромѣ Діогена лаэртскаго никто, ни даже Плутархъ, столь подробно трактующій въ своей біографіи Солона о его различныхъ законахъ и мѣропріятіяхъ, — заботливость и предусмотрительность самого учредителя мусическихъ состязаній на панаѳенейскомъ празднествѣ создала условія и нашла средства, потребныя для изготавленія полнаго списка поэмъ Гомера. Какъ-бы то ни было, списокъ этотъ приходится отнести къ VI стол. до Р. Х., т. е. къ той именно порѣ, къ которой относятъ его и наши источники.

Соображенія чисто теоретическаго характера не обнаруживаютъ такимъ образомъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи о работахъ, предпринятыхъ аѳинскимъ правительствомъ въ VI в. до Р. Х. съ цѣлью изготавленія провѣреннаго экземпляра гомеровскихъ стихотвореній. Существовали объективныя основанія, въ силу которыхъ такія работы въ то время яв-

лились желательными и, пожалуй, даже необходимыми. И въ такой мѣрѣ фактъ, передаваемый этимъ извѣстiемъ, самъ по себѣ возможенъ и правдоподобенъ, что Флахъ, отрицающій со всею силою и энергiею своего краснорѣчiя существованiе писистратовой рецензiи, засвидѣтельствованное древними авторами, счелъ себя вынужденнымъ допустить существованiе рецензiи солоновой, никѣмъ и нигдѣ не засвидѣльствованное. Вотъ его подлинныя слова: „dass diese Exemplare (т. е. „die *κωρυ*“, auf denen die alexandrinischen Philologen fussten und naturgemäss fussten mussten“), direct oder indirect mit jener durch Solon angefertigten Sammlung und Redaction in Zusammenhang standen, wird nicht zu leugnen sein, dass sie aber irgend wie von einer Rezension des Peisistratos abhängig gewesen sind, die niemals existiert hat, wird in das Gebiet des Märchens verwiesen werden müssen“ (op. I. p. 37).

Уже это одно обстоятельство способно заставить усомниться въ справедливости мнѣнiя представителей отрицательной критики. Въ самомъ дѣлѣ, если внутреннихъ несообразностей разсматриваемое нами допущенiе въ себѣ не заключаетъ, то отчего-бы и не повѣрить относящимся сюда показанiямъ древнихъ писателей буквально? Такъ-ли ужъ подлинно недостовѣрны, лживы и тенденцiозны наши источники, какъ кажется Флаху и др.? Неужели историку ничего не остается, какъ совершенно пренебречь ими?

Древнѣйшее датированное свидѣтельство о предпрiятiи Писистрата встрѣчаемъ у Цицерона de orat. III, 34: Sed ut ad Graecos referam orationem, quibus carere hoc quidem sermonis genere non possumus (nam ut virtutis a nostris, sic doctrinae sunt ab illis exempla petenda), septem fuisse dicuntur uno tempore, qui sapientes et haberentur et vocarentur. Hi omnes praeter Milesium Thalen civitatibus suis praefuerunt. Quis doctior eisdem illis temporibus aut cuius eloquentia litteris instructor fuisse traditur quam Pisistrati? qui primus Homeri libros confusos antea sic disposuisse dicitur, ut nunc habemus. Non fuit ille quidem civibus suis utilis, sed ita eloquentia floruit, ut litteris doctrinaeque praestaret. Само собою понятно, что Цицеронъ всѣ эти свѣдѣнiя объ учености Писистрата, о его краснорѣчiи и о реставрацiи гомеровскаго текста не изъ пальца высосалъ, какъ говорятъ нѣмцы, но почерпнулъ изъ живаго преданiя, всѣмъ въ его время извѣстнаго, на что, очевидно, указываетъ и самый тонъ приведеннаго отрывка съ фигурою реторическаго вопроса „quis doctior etc.“ и съ дважды вставленною въ рѣчь ссылкою на общую молву (dicitur, traditur). По мнѣнiю Дюнцера (Homerische Abhandlungen. Leipz. 1872. стр. 16 сл.), его непосредственнымъ источникомъ было сочиненiе Дикзарха Βίος Ἑλλὰδος (критику этого взгляда см. у Фолькманна, op. I. p. 348 sqq.). Флахъ напротивъ убѣжденъ, что Цицеронъ всѣ свои свѣдѣнiя о древнѣйшихъ судьбахъ гомеровыхъ поэмъ и о литературной дѣятельности Писистрата почерпнулъ изъ пергамскихъ источниковъ черезъ посредство стоиковъ, — напр. Посидонiя, котораго онъ слушалъ въ Родосѣ и который былъ ученикомъ извѣстнаго кратетейца Панетiя (цит. соч. стр. 3 сл.). Наконецъ, существуетъ еще одно предположенiе, высказанное уже Велькеромъ (Er. Cycl. I стр. 361), — именно, что, быть можетъ, всѣ наши свидѣтельства о писистратовой рецензiи, не исключая конечно и цицеронова, основываются на стихотворной надписи, которая будто-бы находилась на аѣннской статуѣ Писистрата. Вотъ эта надпись:

τρὶς με τυραννήσαντα τοσαυτάκις ἐξεδίδωξ
 ὁῆμος Ἀθηναίων καὶ τρὶς ἐπηγάγετο,
 τὸν μέγαν ἐν βουλῇ Πεισίστρατον, δὲ τὸν Ὀμήρου
 ἡθροισα σποράδην τὸ πρὶν ἀειδόμενον.
 ἡμέτερος γὰρ καὶνός ὁ χροῖστος ἦν πολέτης,
 εἴπερ Ἀθηναῖοι Σωφροναν ἀποκίσταμεν.

При сличеніи этого текста съ вышеприведеннымъ отрывкомъ изъ трактата de oratore, дѣйствительно, нельзя не замѣтить между ними большого сходства въ выраженіяхъ. Слова Цицерона „libros confusos antea disposuisse dicitur“ представляютъ буквальное соотвѣтствіе четвертому стиху эпиграммы, а то, что онъ говоритъ о писистратовой „eloquentia“ (срв. также Cic. Brut. VII, 27), о которой мы изъ другихъ источниковъ ничего не знаемъ, по всей вѣроятности, имѣетъ въ своемъ основаніи греческій эпитетъ τὸν μέγαν ἐν βουλῇ, своеобразно истолкованный нашимъ ораторомъ. Въ виду широкой извѣстности, которою, повидимому, пользовалась въ древности надпись (до насъ дошла она въ двухъ біографіяхъ Гомера [четвертой и пятой], у Тзетза Exeg. Pind. ed Herm. p. 8, въ „Anecdota“ Беккера и въ палатинской антологіи XI, 442), немудрено, что ее знали и въ Римѣ, и Цицеронъ могъ воспользоваться ею, если и не непосредственно, то напр. хотя бы черезъ посредство того схоліа (Villois. II, 182), который заключаетъ въ себѣ, по замѣчанію самого Флаха, „парафразу эпиграммы“ (стр. 7, прим. 23). Выходитъ такимъ образомъ, что, если въ самомъ дѣлѣ источниками Цицерона были сочиненія, вышедшія изъ школы Кратета, какъ желательно Флаху, то они поспособствовали лишь его знакомству съ текстомъ надписи, которая однако едва-ли возникла въ Пергамѣ и врядъ ли была продуктомъ стихотворныхъ упражненій кратетейцевъ.

Вопросъ о происхожденіи писистратовой эпиграммы принадлежитъ къ числу темныхъ и спорныхъ. Авторъ пятого жизнеописанія Гомера утверждаетъ, что она была помѣщена на статуѣ тиранна въ Аѣнахъ. Въ палатинской антологіи она включена въ число σκωπτικά. У Беккера (Anecd. II p. 766) ей предшествуютъ слова: φέρεται δὲ ἐπὶ ἑραμμῶν εἰς τὸν Πεισίστρατον σποράδασιντα συναγαγεῖν τὰ Ὀμήρου τοιοῦτον. Большинство изслѣдователей признаетъ это стихотвореніе за чисто эпидайктическое произведение, возникшее либо въ александрійскія времена (Volkman, стр. 355), притомъ уже послѣ 200 г. до Р. X. (Flach, стр. 6; срв. также Рузскій, стр. 5), либо даже еще позже, въ первое христіанское столѣтіе (Wilamowitz Hom. Unters. стр. 235, прим.; Töppfer Qu. Pisistr. p. 124), и только Велькеръ (Er. Cycl. стр. 360) и Бергкь (Gr. Lg. I, стр. 448, прим. 17) мирятся съ возможностью того показанія, которое даетъ Vita Hom. V, и относятъ нашу эпиграмму—первый довольно неопредѣленно вообще „къ тѣмъ временамъ, когда Аѣны стали наравнѣ со многими другими городами доискиваться чести слыть мѣсторожденіемъ Гомера“, а второй приблизительно ко времени послѣ целопоппонесской войны*). Въ самой надписи объективныхъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было-бы, хотя гадательно, установить ея дату, не усматривается никакихъ, если не прини-

*) Не мѣшаетъ впрочемъ замѣтить, что Унгеръ (Die Regierungen des Pisistratus, N. Jahrb. f. Philol. 1883, стр. 383 сл.) также трактуетъ эпиграмму не какъ опирающееся на сомнительныя данныя упражненіе какого нибудь грам-

мать въ разсѣтъ послѣдняго стиха ея „ἔπερ Ἀθηναῖοι Σμύρῃν ἀποκίσταμεν“. Что же касается этого стиха, которому придавали значеніе хронологическаго показателя Дюнтцеръ и Фолькманъ (ук. м.), то преданіе о заселеніи Смирны іонійцами изъ Эфеса, слышавшаго за аѳинскую колонію, встрѣчается, правда, въ доступныхъ намъ памятникахъ значительно позже Геродота, который о немъ, видимо, ничего не знаетъ (I, 148 сл.), — именно у Страбона (XIV, 633 сл.) и ретора Аристиды (срв. К. О. Мюллеръ Hist. de la littér. gr. trad. par Hillebrand, I p. 85); однако я полагаю, что Страбонъ свое сообщеніе о двойной колонизаціи Смирны (сначала іонійской, потомъ эолійской) почерпнулъ не у кого иного, какъ у того-же автора, на котораго онъ самъ въ предшествующихъ этому сообщенію строкахъ ссылается и который далъ ему свѣдѣнія и вообще о возникновеніи іонійскаго додеканѳа на берегу Малой Азіи, т. е. у Ферекіда Генеалога, и, стало быть, во времена архидамовой войны, когда процвѣталъ названный писатель и когда Геродотъ находился еще въ живыхъ, притязанія Аѳинъ на заселеніе Смирны уже существовали. Такимъ образомъ terminus post quem, который мы вправѣ установить для эпиграммы, не прибѣгая къ произвольнымъ комбинаціямъ и натяжкамъ, отодвигается очень глубоко въ древность, вплоть къ 81-й ол., и въ сущности утрачиваетъ для насъ въ данномъ случаѣ какое бы то ни было значеніе.

Обращаясь къ самому содержанію памятника, мы должны прежде всего отмѣтить ту черту, что заключающаяся въ немъ похвала Писистрату имѣетъ въ виду собственно только прославленную мудрость послѣдняго (μῆγας ἐν βουλῇ срв. βουλαῖς), въ частности проявившуюся въ собраніи разрозненныхъ пѣсень Гомера, и, значить, безъ всякаго ущерба для республиканскихъ чувствъ могла исходить отъ тѣхъ самыхъ аѳинянъ, которые съ другой стороны чтли въ Гармонидѣ и Аристогитонѣ возстановителей погнанной тираннами свободы и считали особеннымъ для человѣка отличіемъ, если его статуя стояла рядомъ съ извѣстною группою тиранноктоновъ. Suum cuique tribuere было ходячимъ правиломъ древности, и бывали случаи, что граждане, не ладившіе со своимъ государствомъ и даже иногда подвергавшіеся тягчайшимъ судебнымъ преслѣдованіямъ со стороны правительства, тѣмъ не менѣе за свои литературныя или иные заслуги удостоивались отъ потомства почетныхъ статуй. Мы знаемъ напр., что, по весьма достовѣрнымъ свѣдѣтельствамъ (Aristot. Eth. N. III, 1; Aelian. V. H. V, 19 и др.), Эсхилъ нѣкогда былъ привлеченъ къ суду въ родномъ городѣ по обвиненію въ нечестіи (γρᾶψή ἀσεβείας), что онъ едва при этомъ избѣжалъ побіенія камнями (λιθοβολία) и, какъ говорятъ, счелъ во всякомъ случаѣ за лучшее удалиться изъ Аѳинъ, гдѣ не могъ ужиться въ ладу съ согражданами (οὕτῃ γὰρ Ἀθηναίοισι συνέβαιν' Ἀισχύλος Aristoph. Ran. v. 807), и однако это не помѣшало аѳинянамъ около 110 ол., по предложенію оратора Ликурга, воз-

матика въ эпидейктическомъ родѣ, а какъ важный историческій источникъ, хотя и приурочиваетъ ее ко времени послѣ Аристарха. Наоборотъ Виламовицъ не признаетъ за нею никакой цѣны и заявляетъ съ чисто лахманновскою рѣзкостью: „die kindliche Vorstellung, dass dies wirklich auf einer athenischen Statue gestanden hätte, hat doch nur für die Leute Werth, die niemals in die Anthologie hineingesehen haben“.

двинуть ему бронзовую статую. Мы знаем также о существовании не одной статуи известного своею жестокостью и деспотизмом сиракузскаго тирана Діонісія старшаго, много разъ изваяннаго (срв. Dio Chrysostom. or. 37 [Corinth.] p. 460), несмотря на то, что люди, воодушевленные панэллинскимъ патриотизмомъ, гнушались имъ, какъ злодѣемъ и варваромъ, и въ 384 г. на олимпійскомъ празднествѣ его ѳеорія подверглась даже открытому нападенію со стороны грековъ, видѣвшихъ въ немъ такого же опаснаго врага свободы, какимъ былъ въ ихъ глазахъ персидскій царь (срв. Diod. Sic. XIV, 109). Нужды нѣтъ, что мы не можемъ точно указать, кто и по какому побужденію ставилъ эти статуи въ Сиракузахъ и другихъ городахъ,—достаточно того, что онѣ существовали долго послѣ сверженія діонісіевой династіи *) чествуемая, быть можетъ, изъ признательной памяти о человѣкѣ, котораго военныя и государственныя заслуги все же цѣнились впоследствии очень высоко и притомъ людьми, подобными Публию Сципіону (срв. Polyb. XV, 35; также Plut. de sera num. vind. VII). Впрочемъ, что касается статуи Писистрата, то она могла служить украшеніемъ какой либо частной бібліотеки,—такъ какъ было въ обычаѣ въ бібліотекахъ и музеяхъ помѣщать изображенія прикосновенныхъ къ литературѣ и наукѣ лицъ (K. O. Müller Handb. d. Archäol. d. Kunst. 3-te Aufl., стр. 728 и 730, прим. 5),—или же, что также возможно, служила дополненіемъ къ какой-нибудь группѣ и, стало быть, не имѣла самостоятельнаго значенія. Таковою могла быть напр. группа древнѣйшихъ эпиковъ, стихотворенія которыхъ Писистратъ собиралъ и приводилъ въ порядокъ (срв. Welcker. Ер. Cycl. стр. 360 сл.), либо группа семи мудрецовъ, наряду съ которыми аѳинскій тирантъ, безъ сомнѣнія, отнюдь не случайно фигурируетъ и въ приведенной выше цитатѣ изъ Цицерона (de orat.). Изображенія семи мудрецовъ, какъ извѣстно, существовали въ Греціи въ пору преобладанія иконическаго направленія въ искусствѣ: одна группа подобного содержанія вышла изъ мастерской Лисиппа, авторомъ другой былъ, можетъ быть, Аристодемъ, и можно считать общепризнаннымъ, что къ греческимъ оригиналамъ той же поры слѣдуетъ возводить и римскія изображенія Біанта, Періандра и прочихъ мудрецовъ, найденныя въ 1780 г. въ Тиволи, на виллѣ Кассія (Visconti Iconogr. gr. pl. IX sq. Baumeister Denkm. стр. 314 и 1287).

Можно слѣдовательно подыскать *τὰ εἰκότα*, въ силу которыхъ монументальное происхожденіе нашей эпитафмы не покажется столь неправдоподобнымъ, какъ думаетъ Флахъ (ор. I. p. 5, adn. 17). Формальныя ея несовершенства также ничего не говорятъ противъ того допущенія, которое мы готовы сдѣлать. Положимъ, что слова *τρίς ἐπηγέμετο* и *τοσαύτης ἐξεδίωξε* неясны и могутъ вести къ недоразумѣнію, но ихъ можно понять и такъ, какъ поняты они Бергкомъ и Тенферомъ (ук. мм.); положимъ далѣе, что относительное предложеніе *ὅς ἤθροισα* присоединено къ предыдущему нѣсколько неуклюже (*ungefügt*), что *ἡμέτερος*, послѣ того какъ въ ст. 2 обѣ аѳинянахъ шла рѣчь въ третьемъ лицѣ **), звучитъ странно, что вы-

*) Діонъ Хрисостомъ передаетъ, что при всеобщемъ уничтоженіи статуй сиракузскихъ тиранновъ были пощажены только статуи Гелова и Діонісія старшаго.

**) Не обличаетъ-ли это словно бы неумѣстное *ἡμέτερος* аттическое происхожденіе самого поэта?

раженіе *καὶ τοὺς ὁ ὑπόθετος* слишкомъ изысканно и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ блѣдно (все это возраженія Дюнцера ук. м.), — что же этимъ доказывается? только то, что авторъ эпиграммы былъ плохой стихотворецъ, какихъ всегда и вездѣ бывало множество. Усматривать въ такихъ признакахъ руку ученаго грамматика („sapit totum epigramma studia grammaticorum“ Töpffer l. l.) и на основаніи ихъ относить памятникъ къ тѣмъ позднимъ временамъ, когда собственно эпиграмма, какъ особый поэтический родъ, достигла уже наивысшаго своего процвѣтанія, на мой взглядъ по меньшей мѣрѣ удивительно.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, я настанваю только на двухъ пунктахъ, а именно, — 1) что писистратова эпиграмма могла возникнуть внѣ предѣловъ вліянія пергамской школы и раньше самаго возникновенія этой школы и 2) что въ ней слышенъ отголосокъ стариннаго аттическаго преданія о какихъ то современемъ полузабытыхъ заслугахъ Писистрата по части сохраненія гомеровскихъ поэмъ. Другой отголосокъ того же преданія слышится въ извѣстномъ, много разъ цитованномъ и съ давнихъ поръ обсуждаемомъ мѣстѣ изъ псевдо-платонова діалога „Гиппархъ“, гдѣ говорится о порядкѣ речитациіи гомеровскихъ стихотвореній на панаѳенейскомъ агонѣ (р. 228, В). Неизвѣстный авторъ діалога, принадлежавшій, несомнѣнно, къ кругу сократовцевъ и жившій не позже IV стол. до Р. X. (см. Volkmann op. l. p. 300), зналъ, очевидно, кое что объ этихъ заслугахъ, хотя и не позаботился о точномъ разграниченіи того, что было сдѣлано Писистратомъ, отъ того, что принадлежало Писистратидамъ. Ничто, разумѣется, не принуждаетъ насъ вѣрить ему во всѣхъ подробностяхъ. Но въ основаніи обоихъ свидѣтельствъ явно лежитъ нѣкій общій источникъ, оба они явно заключаютъ въ себѣ зерно исторической истины, оба въ томъ, что въ нихъ существенно, сходятся съ вышеприведенными теоретическими соображеніями и представляютъ желанное дополненіе къ тексту ликурговой Leocratea. Нельзя принимать показанія ихъ безусловно, но и нельзя цѣлкомъ отвергать ихъ, — слѣдуетъ лишь удовольствоваться покамѣстъ тѣми общими очертаніями историческаго факта, которыя въ нихъ содержатся.

Полнѣе и опредѣленнѣе говорятъ объ участіи Писистрата въ дѣлѣ установленія гомеровской вульгаты фрагменты мегарскихъ антикваріевъ Герее и Діевхида. Изъ этихъ фрагментовъ мы узнаемъ не только о томъ, что Писистратъ дѣйствительно занятъ былъ исправленіемъ ходячаго текста гомеровскихъ поэмъ (въ подлинникѣ употреблено выраженіе *φωτίζειν*), но и что онъ внесъ въ этотъ текстъ нѣчто свое, интерполировалъ стихотворенія Гомера, частью расширилъ, частью измѣнилъ ихъ содержаніе въ угоду аѳинскимъ пристрастіямъ, вкусамъ и интересамъ (K. Müller Frgm. H. Gr. IV pp. 388, 6; 426, 1). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, когда жили и дѣйствовали названные мегарскіе писатели, но по крайней мѣрѣ относительно одного изъ нихъ, именно Діевхида, можно съ вѣроятностью предполагать, что его *ἀρχή* принадлежала порѣ до начала македонскаго періода греческой исторіи (Гутшмидъ, Флахъ, Вилламовицъ), и, слѣдовательно, по времени свидѣтельство его, пожалуй, отнюдь не моложе приведенныхъ выше свидѣтельствъ Ликурга и Псевдо-платона. Какъ-же слѣдуетъ намъ оцѣнить его? По мнѣнію Флаха, — ровно ни во что: Діевхидъ служитъ выразителемъ общегегарской ненависти къ Аѳинамъ и сознательно или безсознательно клеветаетъ на Писистрата, котораго обви-

нить въ подлогѣ ему было тѣмъ легче, что Писистратъ запятналъ себя дружбою съ Ономакритомъ, завѣдомымъ поддѣльщикомъ. Аѳиняне когда то въ доказательство правъ своихъ на островъ Саламинъ ссылались на стихи изъ Иліады. Мегарянамъ, имѣвшимъ также притязанія на этотъ островъ и почитавшимъ его своимъ достояніемъ, не оставалось ничего иного, какъ заподозрить подлинность самыхъ стиховъ, и мегарскіе патріоты не усумнились сдѣлать Писистрата козлищемъ отпущенія, такъ какъ Солонъ, этотъ образецъ честности и справедливости, обвинить въ подлогѣ было-бы неправдоподобно (стр. 29 сл.).

„А лишь только въ нѣсколькихъ историческихъ источникахъ“, развиваетъ Флахъ даѣе свою мысль, „за Писистратомъ утвердился репутація фальсификатора литературныхъ памятниковъ (eines litterarischen Fälschers), то позднѣйшіе ученые могли пойти и дальше... Его сдѣлали ответственнымъ за цѣлыя книги, которыя онъ будто бы вставилъ въ поэмы Гомера и которыхъ раньше въ этихъ поэмахъ не было, какова напр. „Долонія“... Въ самое же недавнее время пришлось даже прочесть, что, разъ Писистратъ сдѣлалъ вставки въ гомеровскій текстъ, то ему необходимо приписать и рецензію текста, какъ будто бы тиранъ не могъ просто распорядиться, чтобы въ его придворной канцеляріи писцы переписали соловновъ экземпляръ (?) и внесли въ списокъ нѣсколько самодѣльныхъ добавленій, безъ всякой надобности для этой цѣли самолично пересматривать и на филологическихъ основаніяхъ (!) устанавливать текстъ“ (стр. 30—31).

Я не стану толковать здѣсь о томъ, насколько такъ называемыя „атическія интерполяціи“ суть дѣйствительно интерполяціи и кто, когда и съ какою цѣлью внесъ ихъ въ текстъ: это къ задачѣ нашей не относится и завело бы насъ слишкомъ далеко, безъ нужды увеличивъ объемъ этого и безъ того длиннаго отступленія *). Замѣчу только, что генезисъ преданія о писистратовой рецензіи, какъ объясняетъ его намъ Флахъ, для меня совершенно непонятенъ. Если подлинно Солонъ, а не Писистратъ, принадлежала редакция гомеровскаго текста, то почему бы на Солонъ же не возложить и всю ответственность за тѣ вставки, которыя потомствомъ были въ этомъ текстѣ обнаружены? Вѣдь онъ былъ главнымъ героемъ саламинскаго дѣла, онъ же, если вѣрить Плутарху, и сомнительными цитатами изъ Иліады сумѣлъ практически воспользоваться въ защиту аѳинскихъ притязаній (Plut. Sol. X). Правда, Писистратъ состоялъ въ числѣ его друзей и пособниковъ (Plut. Sol. VIII), но въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля на историческомъ поприщѣ выступилъ гораздо позже,—послѣ того какъ вопросъ о Саламинѣ былъ давно исчерпанъ. Что сообщенія Діевхиды и Герее о намѣренныхъ искаженіяхъ гомеровскихъ пѣсенъ въ солоново время вообще представляютъ собою вздорный вымыселъ, быть можетъ, созданный мегарянами подъ вліяніемъ патріотическихъ тенденцій,—съ этимъ я охотно готовъ согласиться, но никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что этотъ вымыселъ былъ, такъ сказать, зерномъ, изъ котораго выросла приукрашенная позднѣйшими писателями древности и новѣйшими учеными сага о писистратовой ре-

*) Можно между прочимъ сослаться на интересныя и глубоко содержательныя разъясненія Виламовица по этому предмету, — разъясненія, которыя не во всѣхъ подробностяхъ правильны, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ самаго полнаго вниманія (см. *Nom. Untersuch.* стр. 243 сл.).

цензи. Я убежденъ, что рассказы мегарскихъ антикваріевъ могли встрѣтить довѣріе лишь въ той средѣ, гдѣ сохранялась память о стараніяхъ Писистрата собрать и обезпечить отъ дальнѣйшей порчи и забвенія древніе поэтическіе тексты, — память о работахъ его комиссіи, о его библіотекѣ. Живое преданіе обо всемъ этомъ было тою почвою, на которой развилась въ послѣдствіи легенда о тенденціозныхъ интерполяціяхъ, пристегнутая затѣмъ къ нему, какъ одна изъ украшающихъ подробностей. Были и въ Аѣнахъ благоразумные люди, которые относились къ ней скептически (*αὐτοὶ δ' Ἀθηναῖοι ταῦτα μὲν οἴονται φλυαρίαν εἶναι καὶ* Plut. Sol. X); но мы не знаемъ, простирался-ли ихъ скепсисъ на то, что собственно слѣдуетъ считать въ занимающемъ насъ вопросѣ главнымъ, основнымъ и существеннымъ, и, судя по категорическому тону нашихъ свидѣтельствъ, склонны рѣшительно утверждать противное.

Въ непосредственной зависимости отъ Діевхида, Герей и другихъ мегарскихъ историковъ стояли, по словамъ Флаха, и тѣ представленія о возникновеніи аѣнской вульгаты, которыя господствовали въ Пергамѣ и затѣмъ какимъ то образомъ (подробности не важны) сообщились Іоанну Тзетзу, познакомившему съ ними и насъ въ своихъ „Пролегоменахъ“ къ Аристофану.

Когда имѣешь дѣло съ показаніями поздняго автора, какъ въ настоящемъ случаѣ, то совершенно естественно желаніе открыть тѣ источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія, и этимъ путемъ квалифицировать добротность послѣднихъ. Нельзя поэтому не одобрить попытку отыскать соединительныя звенья между свидѣтельствомъ византійскаго грамматика и фрагментами мегарскихъ писателей, за которыми остается почетное старшинство почти на полторы тысячи лѣтъ. И честь первой попытки въ этомъ направленіи принадлежитъ Флаху цѣликомъ, хотя сходную съ нимъ мысль раньше и высказалъ уже мимоходомъ Виламовицъ-Мѣллендорфъ (Horn. Unters. стр. 261, прим. 25); жаль только, что основанія, на которыхъ Флахъ утверждаетъ свою гипотезу, крайне шатки и ненадежны. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что Тзетзь черезъ руки Асклепіада мирлейскаго или Аѣнодора Кордиліона (чтеніе на поляхъ рукописи *Ἀθηνοδότη ἐπὶ Κερδύλλωνι* удостовѣряетъ Штудемундъ Philolog. т. 46, стр. 12), познакомился съ историко-литературными фактами, истинность которыхъ была кратетейцами признана, а значеніе въ виду соперничества Пергама съ Александріей до невѣроятности раздуто; гдѣ же однако ручательство, что для Кратета и его школы исходнымъ пунктомъ при этомъ служили именно Діевхидъ, Герей и прочіе мегарскіе историки и антикваріи, а не какой либо чисто аттичскій источникъ? Отъ Герей и Діевхида сохранились только тѣ отрывки, которые трактуютъ объ интерполяціяхъ; между тѣмъ у Тзетза, являющагося, по Флаху, нынѣ репрезентантомъ пергамской доктрины, объ интерполяціяхъ нѣтъ ни полслова, да и въ остальномъ онъ и мегарскіе историки расходятся совершенно. Такъ напр. онъ ничего не упоминаетъ о рецензиі гесиодовскихъ стихотвореній, которую, повидимому, зналъ Герей (Plut. Thes. 20), хвалитъ рачительность и усердіе Писистрата и умалчиваетъ о какой бы то ни было роли Солона въ исторіи гомеровскихъ поэмъ, — Солонъ, который, по Діевхиду (Diog. L. I, 57), „μᾶλλον Ὀμήρου ἐφώτισεν ἢ Πισίστρατος“, — наконецъ говоритъ о дѣятельности цѣлой комиссіи, тогда какъ во фрагментахъ мегарскихъ историковъ о комиссіи нѣтъ и рѣчи. Такимъ образомъ данныхъ для сближенія въ сущности не

оказывается никаких, и тезисъ, составляющій основную мысль брошюры Флаха, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, при скудости наличнаго матеріала признать не только недоказаннымъ, но и недоказуемымъ.

Интересно впрочемъ а priori разслѣдовать, насколько вообще правдоподобно предположеніе, будто всѣ наши свѣдѣнія объ аѳинской рецензії гомеровскаго текста обязаны своимъ происхожденіемъ фикціямъ, созданнымъ съ одной стороны Мегарою изъ ненависти и зависти къ Аѳинамъ, а съ другой—Пергамою изъ ненависти и зависти къ Александріи. Я только что высказалъ убѣжденіе, что обвинять Солона или Писистрата въ интерполяціяхъ, въ сознательномъ искаженіи традиціоннаго текста гомеровыхъ и гесіодовыхъ поэмъ, въ излишнемъ расширеніи ихъ содержанія и т. п.,—а только эти и подобныя обвиненія и могла выставить Мегара,—было возможно лишь при томъ условіи, если существовали общезвѣстные спеціально аѳинскіе списки названныхъ поэмъ и если возникновеніе этихъ списковъ общимъ мнѣніемъ приурочивалось ко временамъ Солона и Писистрата. Только въ этомъ единственномъ случаѣ сказанныя обвиненія могли претендовать на какое бы то ни было довѣріе. А что они все же пользовались довѣріемъ въ извѣстныхъ кругахъ, о томъ свидѣлствуютъ Страбонъ (IX 394, 10), Евстацій, нѣкоторые схолии. Такимъ образомъ вражда и зависть могли поработать надъ готовыми данными исторіи и прибавить къ нимъ нѣчто мифическое и легендарное,—дополнить и исказить сохраненное народною памятью преданіе посредствомъ произвольныхъ наслоеній и наростовъ. Допустимъ же, что это искаженное преданіе дошло до ученыхъ Александріи и Пергама, и пергамскіе грамматикѣ въ пику своимъ александрійскимъ соперникамъ, съ презрѣніемъ его отвергшимъ*), съ радостью за него ухватились. Спрашивается, какъ могли они его утилизировать? Флахъ увѣряетъ, что, благодаря этому преданію, для нихъ открывалась возможность умалить заслуги александрійцевъ, смирить гордость послѣднихъ,—„Alexandria und seine litterarischen Einrichtungen und Bestrebungen zu demüthigen“. Пожалуй, мы не прочь этому повѣрить, но пусть намъ сперва докажутъ, что александрійскіе ученые приписывали себѣ самѣмъ все то, что въ преданіи приписывалось Писистрату. Послѣднее по-

*) Собственно говоря, мы имѣемъ право утверждать только одно,—именно, что до Аристарха включительно александрійскіе критикѣ, повидимому, не придавали серьезнаго значенія обвиненіямъ въ намѣренныхъ интерполяціяхъ, взведеннымъ на Солона и Писистрата, а потому и не искали въ этихъ обвиненіяхъ одной изъ такъ назыв. „Fehlerquellen“. Что аѳетезы Зенодота II, II, 553—555 и Аристарха II, II, 558 стояли внѣ всякой зависимости отъ аѳетезы Діевхиды и его мотивовъ, это съ достаточною убѣдительною показалъ А. Лудвигъ (Did. 223; Aristarch. II, 595 слл.) противъ Вилламовица (срв. *Hom. Unters.* 239 слл.). Но признавали ли александрійцы аѳинскую рецензію гомеровскаго текста независимо отъ сказанныхъ обвиненій, какъ историко-литературный фактъ, какъ первое звено въ длинной цѣпи тѣхъ историко-литературныхъ трудовъ, главнымъ предметомъ которыхъ былъ Гомеръ и его поэмы, или же совершенно отвергали ея существованіе, этого мы не знаемъ. „Bleiben wir uns nur immer bewusst, wie lückenhaft unsere Kenntniss der Alexandrinischen Kritik ist, so dass aus der blossen Nichterwähnung nur unter ganz besondern Umständen ein sicherer Schluss zu ziehen ist“ (Düntzer *Hom. Abhandl.* 27).

ставлялось въ заслугу τὸ ἀξιοῦσι τὸν "Ομήρου σποράδην τὸ πρὶν ἀειδόμενον, и въ этомъ заключалось существенное и главное. Какъ бы мы ни представляли себѣ состояніе гомеровскаго текста до Писистрата (а извѣстно, какія на этотъ счетъ существуютъ разногласія), все таки остается яснымъ, что за нимъ признавалось первенство въ дѣлѣ упорядоченія этого текста. Если признаніе такого первенства за кѣмъ либо, кто не принадлежалъ къ кругу александрійскихъ ученыхъ, могло быть непріятно послѣднимъ, то вѣдь во всякомъ же случаѣ они должны были признать его, если не за Писистратомъ, то за Антимахомъ, на котораго самъ Аристархъ часто ссылался (А 298, 424, 598. α 85. Ε 461. Ν 60. Ψ 870), за Эврипидомъ, за Аристотелемъ или, наконецъ, за невѣдомыми издателями τῶν κατὰ πόλεις. Но въ томъ то и дѣло, что разница между заслугами аѳинской комиссіи съ одной стороны и заслугами александрійскихъ справщиковъ Гомера—съ другой древними хорошо понималась: тотъ самый Свида, который сохранилъ намъ между прочимъ одно изъ свидѣтельствъ о литературной дѣятельности Писистрата и его пособниковъ (s. v. "Ομηρος; срв. s. v. "Ορφεύς), въ статьѣ о Зенодотѣ категорически называетъ этого послѣдняго πρῶτον τῶν "Ομήρου διορθωτῶν. Писистратъ не могъ, стало быть, умаливать значеніе Зенодота и Аристарха, подобно тому какъ и въ наше время Димитрій Халькондиль не помрачилъ славы Иммануила Беккера и Авг. Наука,—и пергамскіе ученые, я полагаю, врядъ ли на этотъ счетъ могли обманываться....

Впрочемъ, въ видѣ уступки современные противники преданія о литературной дѣятельности Писистрата готовы согласиться съ тѣмъ, что и оно имѣетъ нѣкоторую историческую цѣну. Такъ А. Лудвигъ пишетъ (op. I. II p. 423): „wenn die Tradition der Alten für die vorliegende Frage überhaupt etwas beweist, so ist es jedenfalls dies, dass die Dichtungen nicht erst in Peisistratischer Zeit, sondern schon viel früher, auch nicht zum ersten Male in Attica und im altattischen Alphabet aufgezeichnet wurden“. Подобнымъ же образомъ Флахъ видитъ въ нашемъ преданіи нѣчто такое, что путемъ искаженія и произвольнаго привнесенія вымышленныхъ подробностей развилось изъ воспоминаній о соловыхъ мѣропріятіяхъ, дѣйствительно имѣвшихъ цѣлью упорядочить и сохранить отъ порчи гомеровскій текстъ (стр. 20, 22 и passim); Солонъ же, по Флаху, опирался при этомъ на спартанскій экземпляръ поэмъ (ibid.), возникшій „sehr frühzeitig und vielleicht sehr bald nach Lykurgos, jedenfalls schon zur Zeit der ersten musikalischen Katastasis durch Terpander“ (стр. 16 сл.). Вслѣдъ за Флахомъ Гольмъ формулируетъ положительный результатъ, къ которому, по его мнѣнію, приводитъ разсмотрѣніе писистратовой легенды, слѣдующимъ образомъ: „Sollten wir nicht, спрашиваетъ онъ, mit Hülfe der verdienstlichen Schrift des Herrn Flach zu dem Resultate kommen, dass das gelehrte Alterthum das Verdienst der Einführung Homers in Griechenland dem Staate zugeschrieben hat, der zuerst der bedeutendste und glänzendste war, nämlich Sparta, und das Verdienst der Ordnung der Gedichte demjenigen, der dann seit Solon an die Spitze der geistigen Bildung Griechenlands trat, nämlich Athen, und dass man dann einfach das, dessen wahre Urheber man nicht wusste, an die drei Männer gegeben hat, die Athen im 6. Jahrh. leiteten: Solon, Peisistratos und Hipparch? Wenn wir statt der Namen der Personen ihre Städte und ihre Zeiten setzen, so kommen wir der Wahrheit vielleicht nahe“ (Wochenschr. f. klass. Philol. 1888. № 1. Sp. 5 f.).

Я не безъ опредѣленной цѣли приводилъ всѣ эти выдержки въ подлинникѣ и не могу между прочимъ не выразить своего удивленія по поводу того обстоятельства, что у Флаха доселѣ, послѣ изслѣдованій Э. Мейера, Вилламовица, Низе и др., Ликургъ все еще является историческою персонаю и легенда о немъ принимается за нѣчто дѣйствительное и достовѣрное. Это тѣмъ болѣе удивительно, что по отношенію къ преданіямъ о Писистратѣ тотъ же ученый обнаружилъ самый непримиримый скептицизмъ. А между тѣмъ почти за годъ до появленія его брошюры Вилламовицъ съ большою убѣдительною разъяснилъ въ своихъ „Homerische Untersuchungen“ ту связь, которою соединена ликургова легенда съ преданіями о Солонѣ и Писистратѣ: она, утверждаетъ Вилламовицъ, есть не что иное, какъ дублетъ этихъ послѣднихъ (стр. 268),—и, если, быть можетъ, онъ ошибается, считая ея авторомъ или древнѣйшимъ сторонникомъ (Vertreter) Діевхида (стр. 274), то во всякомъ случаѣ можно думать, что создана была эта легенда по типу названныхъ аѳинскихъ сказаній и какъ бы въ противовѣсъ имъ. Я полагаю даже, что скудость болѣе древнихъ свидѣтельствъ о литературной дѣятельности Писистрата и его коммисіи въ значительной степени обусловлена вліяніемъ саги о Ликургѣ и его роли въ дѣлѣ распространенія гомеровскихъ стихотвореній на греческомъ континентѣ. Ликургъ получилъ лично отъ самого Гомера экземпляръ его пѣсенъ и привезъ съ собою это сокровище съ острова Хиоса, гдѣ видѣлся съ поэтомъ, въ Спарту,—такъ повѣствовало уже Эфоръ и Тимей. По другой версіи преданія спартанскій законодатель во время своихъ путешествій самъ изгостовилъ полный списокъ гомеровскихъ поэмъ и такимъ образомъ первый ознакомилъ съ ними во всей полнотѣ континентальную Грецію, гдѣ дотогѣ извѣстны были лишь отрывки великой эпопеи. Если жъ такъ, то что же оставалось дѣлать Писистрату и его товарищамъ? Въ чемъ заключалась ихъ заслуга? Въ отвѣтъ на это люди, чувствовавшіе влеченіе къ доризму и его главной представительницѣ—Спартѣ, съ полнымъ правомъ могли презрительно пожимать плечами. Въ ихъ глазахъ преданіе о дѣятельности аѳинской коммисіи не должно было заслуживать вниманія, и они могли не упоминать о немъ даже тогда, когда къ тому представлялся законный поводъ.

Серьезное ожесточеніе, съ которымъ сторонники оспариваемаго мною взгляда ведутъ полемику съ защитниками нашего преданія, находятъ свое объясненіе и оправданіе въ общемъ направленіи современной исторіографіи. Однимъ изъ главныхъ отличій послѣдней служитъ лихорадочная погоня за новымъ научнымъ матеріаломъ,—архивнымъ и археологическимъ. А по мѣрѣ открытія новыхъ памятниковъ,—дипломатическихъ, эпиграфическихъ, нумизматическихъ, эпистолографическихъ, археологическихъ и проч., и проч.,—естественно, является потребность внести и соотвѣтственныя поправки и дополненія въ наличный запасъ нашихъ свѣдѣній о временахъ минувшихъ. Зачастую на основаніи вновь найденныхъ источниковъ приходится отказываться отъ того, во что съ молодыхъ ногтей привыкъ непреложно вѣрить. Зачастую предметы, лица, событія, обслѣдованные и обсужденные, казалось бы, самымъ основательнымъ и всестороннимъ образомъ, благодаря какой нибудь неожиданной находкѣ, вдругъ предстаютъ передъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи. Поневоѣ критическій взглядъ обостряется, и историкъ становится менѣ довѣрчивъ къ показаніямъ литературныхъ памятниковъ. Онъ съ особеннымъ предпочтеніемъ

останавливается поэтому на источникахъ официального характера, каковы напимѣрь по большей части древнія надписи, государственные акты, частные юридическіе документы и т. п. Традиція все болѣе и болѣе теряетъ кредитъ въ его глазахъ, и, чѣмъ отдаленнѣе времена, о которыхъ она повѣствуетъ, тѣмъ болѣе строгую мѣрку прилагаетъ онъ къ ней при опредѣленіи степени ея достовѣрности. Лишь только вступаетъ онъ въ эту область, почва начинаетъ колебаться у него подъ ногами. Онъ невольно ищетъ опоры и находитъ ее въ скептицизмѣ, подчасъ довольно неумѣреннымъ. „Для древнѣйшихъ эпохъ“, говоритъ одинъ изъ молодыхъ представителей того поколѣнія историковъ, о которомъ идетъ рѣчь, „мы должны довольствоваться лишь общими картинами, — опираясь притомъ не столько на литературную традицію, сколько на данныя археологін, топографін, діалектологін, а также заключа—съ большою, конечно, осторожностью — отъ послѣдующаго къ предыдущему“ (А. И. Покровский. Новыя явленія въ области разработки древне-греч. ист. См. „Историч. Обзор.“ I, стр. 187; срв. тамъ же на стр. 174 сл. сравнительную оцѣнку надписей и литературной традиціи, какъ историческихъ источниковъ).

Что касается личнаго нашего отношенія къ этимъ научнымъ вѣяніямъ, то оно, я полагаю, изъ предшествующаго изложенія достаточно выяснилось. Совершенно признавая неизмѣримо важное значеніе данныхъ языковѣднія, археологін, эпиграфики и топографін для возстановленія фактовъ исторіи древности, мы однако считаемъ опаснымъ и излишнимъ выбрасывать за бортъ, какъ ненужный и вредный балластъ, рядъ менѣе точныхъ и согласныхъ между собою историческихъ показаній въ силу преувеличеннаго мнѣнія о тенденціозности и субъективизмѣ античныхъ писателей. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ скептиковъ, которые изъ боязни возвести на степенъ историческаго факта какой нибудь продуктъ мноотворящей дѣятельности народа стремятся по возможности стѣснить и безъ того тѣсныя хронологическіе предѣлы древне-греческой исторіи, и считаемъ одною изъ почтенныхъ и интересныхъ задачъ изслѣдователя усердное стремленіе открыть и подъ покровомъ мнѣйшихъ подробностей и тенденціозныхъ искаженій черты исторической дѣйствительности. При тщательномъ критическомъ изученіи источниковъ литературнаго преданія, при надлежащей осмотрительности и правильности методическихъ приѣмовъ и на этомъ пути можно придти къ такимъ же прочнымъ и надежнымъ результатамъ, какъ и въ области эпиграфическихъ и архивныхъ розысканій....

Какъ сказано, въ нѣкоторую связь съ вопросомъ о рецензін Писистрата и Ономакрита приводится вопросъ объ аттицизмахъ въ гомеровскихъ поѣмахъ. „Въ самомъ дѣлѣ“, читаемъ въ поименованной выше статьѣ г. Рузскаго, „если аттическая редакція текста имѣла мѣсто при Писистратѣ, а тѣмъ болѣе позже, въ эпоху высшаго разцвѣта аѳинскаго генія, какъ хотятъ Виламовицъ и Сейсъ, слѣдовательно въ эпоху, близкую къ блестящимъ временамъ Перикла, то, несомнѣнно, она должна была прежде и больше всего отразиться на языкѣ поѣмъ, который воспринялъ бы тогда много чисто аттическихъ элементовъ“ (стр. 2).

Къ сожалѣнію, намъ по самому свойству темы нашей не приходится теперь входить въ ближайшее разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса; тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ сдѣлать на этотъ счетъ здѣсь нѣ-

сколько замѣчаній самаго общаго характера, прежде чѣмъ возвратимся снова къ прерванному изложенію хода историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи.

Начнемъ съ того, что, по нашему мнѣнію, проникновеніе аттическихъ элементовъ въ гомеровскій текстъ могло происходить вообще лишь медленно и туго, такъ какъ сила традиціи достаточно ограждала неприкосновенность древнѣйшей языковой основы эпическихъ стихотвореній. Безсознательное подновленіе гомеровскаго искусственнаго говора, служившаго долго литературнымъ органомъ грековъ и до позднѣйшихъ временъ оставшагося таковымъ для нѣкоторыхъ поэтическихъ родовъ (срв. Ludwig Aristarch, II, стр. 454 сл.), конечно, нельзя отрицать, но оно началось не сразу, и первый специально аѳинскій экземпляръ поэмъ, приготовленный трудами писистратовой комиссіи, навѣрное былъ лишень той аттической окраски, которая потомъ сообщалась при послѣдовательномъ списываніи безчисленнымъ позднѣйшимъ копіямъ съ него. Самый составъ комиссіи до нѣкоторой степени обезпечивалъ цѣлость формальной стороны стихотвореній: Ономакрить былъ, правда, родомъ изъ Аѳинъ, но хорошо освоился съ языкомъ древнѣйшей гѳератической поэзіи грековъ и слылъ знакомомъ ея, такъ что едва ли могъ погрѣшить въ непроизвольномъ модернизированіи гомеровскаго эпоса; товарищи его, Орфей и Зониръ, были доряне,—первый изъ Кротоны, второй гераклеотъ,—и, если могли привнести въ текстъ стихотвореній какія либо діалектическія примѣсы, то отнюдь не аттическія. Къ тому же древне-аттическое нарѣчіе сравнительно мало отличалось отъ древне-іоническаго фона поэмъ Гомера, и лексическія и грамматическія особенности послѣднихъ заключали въ себѣ немного такого, что для аѳинянина временъ Писистрата звучало бы чѣмъ то чуждымъ и страннымъ. Иное дѣло—тогда, когда, по выраженію Зиттля, Аѳины „стали Лейпцигомъ греческихъ книгопродавцевъ“, когда во всѣ концы греческаго міра начали расходиться списки гомеровскихъ пѣсенъ, изготовленные аѳинскими писцами,—притомъ изготовленные нерѣдко поспѣшно и небрежно. Тогда, конечно, традиціонный текстъ долженъ былъ значительно пострадать отъ постороннихъ примѣсей и искаженій и получить замѣтную аттическую окраску. Но не слѣдуетъ забывать, что людьми серьезными и свѣдущими вродѣ Антимаха, Эврипида и др. отъ времени до времени предпринимались новыя, частныя рецензіи этого текста, и въ немъ, благодаря имъ, восстанавливались, вѣроятно, многія изъ вытѣсненныхъ аттицизмами старыхъ эпическихъ формъ. Кромѣ того въ противобѣсъ аѳинскимъ экземплярамъ гомеровскихъ поэмъ,—на сторонѣ копій, разумѣется, продолжало оставаться численное превосходство,—существовали, какъ мы знаемъ, и нынѣ помѣстныя изданія Гомера (*αἱ κατὰ πόλεις*), совершенно свободныя отъ аттицизмовъ, и я не думаю, чтобы онѣ вовсе не воздѣйствовали на исправленіе иныхъ аѳинскихъ списковъ. Этимъ объясняется, по моему, то сравнительно весьма небольшое количество чисто аттическихъ примѣсей, присутствіе которыхъ въ текстѣ Иліады и Одиссеи засвидѣтельствовано дошедшими до насъ схоліями и открыто анализомъ новѣйшихъ ученыхъ: все заставляетъ думать, что въ распоряженіи александрійскихъ критиковъ находились экземпляры наименѣ искаженные, а, стало быть, и наименѣ пострадавшіе отъ аттическихъ подновленій (см. ниже прим. 80).